

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
КАФЕДРА ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА –
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ**

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
2010**

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

**Москва
2010**

Теория и история социологии

Коллектив авторов

Социологический ежегодник 2010

«Агентство научных изданий»

2010

ББК 60.5

Коллектив авторов

Социологический ежегодник 2010 / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2010 — (Теория и история
социологии)

ISBN 978-5-248-00464-2

Рассматриваются тенденции и перспективы развития социологии как научной дисциплины, анализируются теоретические и эмпирические проблемы модернизации, социологии культуры, социологические аспекты научных коммуникаций. В сборник включены перевод книги Питирима Сорокина «Общество, культура и личность», а также статьи, посвященные его социологическому наследию. Для социологов и философов, преподавателей, аспирантов и студентов.

ББК 60.5

ISBN 978-5-248-00464-2

© Коллектив авторов, 2010
© Агентство научных изданий, 2010

Содержание

Социология–2010: На всех направлениях без перемен	5
I. К итогам XVII Всемирного социологического конгресса (Гётеборг, 11–17 июля 2010 г.)	6
Отклики участников конгресса	6
Гётеборг – город весь серый, или социологическая ИКЕА:	6
Заметки участника XVII Всемирного социологического конгресса	
К итогам XVII Всемирного социологического конгресса:	13
Тезисы к выступлению на заседании Ученого совета Института социологии РАН 29 сентября 2010 г	
Заметки о Всемирном социологическом конгрессе в Гётеборге	15
Из материалов конгресса	18
Переосмысливая неравенство и власть в эпоху климатических изменений: Возникновение «космополитических» риск-сообществ 4	18
Потребление по ту сторону кризиса 5	25
После конгресса	29
Принимая вызов глобальной социологии – от Гётеборга к Йокогаме 6	29
Рефераты	34
К вопросу о переосмыслении публичной социологии М. Буравого: Постэмпиристская реконструкция	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Социологический ежегодник, 2010 Сборник научных трудов

Социология–2010: На всех направлениях без перемен Предисловие

Стоит лишний раз отмечать на страницах нашего издания, что социология есть мера того, что общество существует и как именно оно существует. Это не вопрос нашего профессионального самомнения, а объективное положение дел. В любом обществе столько осмысленности, сколько в нем научной социологии. Разве это не так?

2010-й в этом отношении не стал поворотным годом. Высокий общественный статус социологии, завоеванный в 1990-е годы, постепенно стал размываться, а то и просто снижаться. Вроде бы никто открыто не подвергает сомнению предназначение нашей науки. Но уже никто особенно и не стремится воспользоваться ею. В известном смысле она стала существовать в своем «отдельном» мире, напрямую не связанном с обществом. В этом не видится злого умысла. Просто, в общем и целом, не до нее!

На фоне множащихся внешних признаков социологизации – всякого рода опросов, ссылок на мнение аудиторий, маркетинговых усилий, армий выпускников социологических факультетов, многочисленных конференций и пр. – социология в известной мере виртуализировалась. Она ушла в сферу своих собственных интересов, самоопределений и самоидентификаций. Смешно сказать, но многих социологов стало интересовать не столько общество, сколько поиски философского камня в своей собственной душе. Мол, общество есть не что иное, как совокупность смыслов, которые создаются самими социологами в процессе когнитивного конструирования социального мира. Получается, что если вдруг социология исчезнет, то и общество погаснет наподобие выключенного телевизора. Немного витиевато, но эпатажно. Но вот социологию постепенно «отключают», однако общество отнюдь не гаснет, а достаточно спокойно идет дальше и без познающего его коллективного интеллекта.

В наши дни не слишком любимая и не слишком востребованная (но и не гонимая), она тем не менее сохранила себя, хотя и не преумножилась. Но и самосохранность эта дорогого стоит в общественной ситуации, все более и более акцентирующей принцип выживания сильнейшего. Впрочем, не стоит драматизировать. Социология есть и будет! До тех пор, пока существуют те, кому интересна наука и кому не безразлично общество.

Думается, эти простые-непростые принципы и легли в основу предлагаемого читателям очередного номера «Социологического ежегодника». В различных тематических жанрах и на материале различных культур и исторических эпох на страницах нашего издания реализует себя позиция уважения к обществу и человеку.

Редакционная коллегия

I. К итогам XVII Всемирного социологического конгресса (Гётеборг, 11–17 июля 2010 г.)

Отклики участников конгресса

Гётеборг – город весь серый, или социологическая ИКЕА: Заметки участника XVII Всемирного социологического конгресса

Н.Е. Покровский

Гётеборг – город своеобразной цветовой гаммы. Даже в середине июля оттенки серого доминируют в колористической картине этого балтийского порта. Надо думать, туристические каталоги могут предложить вам в Гётеборге самые разнообразные развлечения и достопримечательности по усредненным международным стандартам. Но на проверку все это оказывается неким клоном чего-то инородного для Швеции, ибо во всем господствуют серая цветовая гамма, умеренность, неспешность, можно сказать – вялость. Кажется, шведам мало кто нужен в этом мире, включая и туристов. Вполне самодостаточное общество. Таким, по крайней мере, оно предстает по внешнему ходу.

В этом смысле лучшего места для проведения конгресса нельзя было и придумать. За пределами конгресс-холлов и аудиторий, в сущности, и делать было нечего, что в немалой степени разочаровало немалочисленных поклонников научного туризма, раз за разом использующих десять дней очередного конгресса для пополнения своих представлений о географии и истории дальних территорий.

Можно и дальше продолжить эту мысль. Атмосфера конгресса в Гётеборге – это спокойствие, усредненность, отсутствие захватывающих дух интеллектуальных взлетов и падений. Все по правилам, все по стандарту, все не дорого и не дешево, все предельно функционально¹. Короче, ИКЕА в чистом виде. Вроде бы на мировой слет социологов собрались почти все значимые фигуры, всем им было предоставлено слово, но они перераспределили свои силы явно не в пользу Гётеборга. В этой минусовой картине есть и свои заметные плюсы. Во-первых, отдельные выступления во многом получились яркими и запоминающимися на общем неярком фоне. Во-вторых, отсутствие внутренней и внешней драматургии позволило более детально присмотреться к лицу всей современной социологии. Интриги не было, зато получилась замечательная статика.

По поводу организации конгресса, или О принципе «control through non-human technologies»

Казалось бы, это не главный вопрос: как конгресс организован. Но тем не менее с технической организации конгресс начинается задолго до своего фактического открытия, и от уровня организации зависит весьма многое. На этот раз (по сравнению с предыдущими кон-

¹ Даже традиционная сумка, входящая в оргпакет участника конгресса, на этот раз предстала в виде дешевой тряпично-матерчатой торбы неопределенной формы. Как-никак, на дворе экономический кризис. И кроме того, во всем в Швеции господствует принцип «умеренности и осторожности».

грессами в Дурбане, Брисбене, Монреале, Билефельде) машина электронной регистрации и обработки заявок и тезисов не давала заметных сбоев. Вроде бы все шло по накатанной. Правда, время от времени на интернет-сайте конгресса воцарялась неразбериха в отношении того, где и как докладчики могли найти себя в программе конгресса. И потому в одних случаях докладчик (помимо своей воли) дублировался с одним и тем же докладом в разных секциях, а в других случаях начисто исчезал из программы конгресса, и ни одна сила не была в состоянии его туда вернуть. Пробить стену сопротивляющейся компьютерной технологии, впавшей в порочный круг негативного ответа, не представлялось возможным. В конце концов, компьютер не способен к сопереживанию.

Это лишний раз подтверждало неовеберианский принцип «макдональдизации», предложенный Дж. Ритцером, – *control through non-human technologies*. В самом деле, воцарившиеся повсеместно компьютерные технологии начинают постепенно забирать под свою власть все процессы, что лишний раз и продемонстрировал конгресс в Гётеборге уже на своей начальной стадии.

Но вот пример прямо противоположного свойства.

Упомянутый выше Джордж Ритцер, один из докладчиков на пленарном заседании, за два дня до своего выступления был вынужден выехать в Нью-Йорк по неотложным семейным делам. Дабы не ослабить композицию сессии, ее руководитель попытался организовать на пленарном заседании онлайн-телемост с Ритцером, находившимся уже по ту сторону океана: мол, в наши дни физическая точка нахождения человека не столь важна – по-настоящему важно его онлайн-присутствие в киберпространстве в означенное «реальное» время. Все это так хорошо звучит в теории. На практике же администрация великолепно оснащенного гётеборгского конгресс-центра под разного рода благовидными предложениями отказала в этой, в общем-то элементарной по нынешним меркам, услуге. Но любопытно другое. Сама просьба оперативно использовать телемост вызвала святое недоумение на всех уровнях шведского национального оргкомитета и самой Международной социологической ассоциации (МСА). Об онлайн-коммуникациях они что-то слышали, но где и когда, сказать трудно.

Этот частный пример иллюстрирует один весьма настораживающий факт. Современная социология, сделавшая еще со времен Маршалла Маклюэна столь много для опережающего воссоздания картины информационного и коммуникативного общества, в своей повсеместной инфокоммуникативной практике весьма архаична. И прогресса пока не предвидится. Уже после конгресса новый президент МСА Майкл Буравой в своем программном послании к Исполкому вроде бы принялся говорить о необходимости включения МСА в среду «медиа». Но выяснилось, что на поверку речь идет всего лишь о новом электронном журнале (компьютерном аналоге печатного органа) – и интернет-сайте «Университеты в кризисе»². Признаемся, все это довольно древнее *déjà vu*.

Но от диагноза необходимо переходить и к лечению. В этом смысле МСА, дабы сохраниться на плаву в мировом информационно-коммуникационном пространстве (и вообще в пространстве), предстоит в ближайшее четырехлетие и с перспективой следующего конгресса в Йокогаме решительно перейти в современные форматы медиа – будь то онлайн-сетевые образовательные сообщества, спутниковый ТВ-канал, вещающий на различные континенты, превращение всемирного конгресса в постоянно действующее и полностью онлайн-мероприятие мирового масштаба и многое другое. По отдельным компонентам все это имеется, тестируется и даже работает в тех или иных университетах, но пребывает в свернутом виде. Кому, как не МСА, быть лидером в этом направлении. Тем более что инфокоммуникационная революция, разворачивающаяся на наших глазах, но, увы, без участия мирового социологического сооб-

² <http://www.isa-sociology.org/universities-in-crisis/>

щества, не будет до бесконечности приглашать социологов стать членами информационного клуба. Не ровен час, двери и закроются.

Книжный рынок: Конец с продолжением?

Помимо всего прочего, каждый всемирный социологический конгресс – это и впечатляющий рынок социологической литературы. Все мировые издательства-мастодонты (*Sage, Blackwell, Oxford University Press*) и десятки более мелких университетских и частных издательств привозят и выставляют свою продукцию в специально отведенной зоне. Обычно выставки-продажи социологической литературы впечатляют посетителя сами по себе. Это толпы участников конгресса, жаждущих прикоснуться к новейшим издательским шедеврам, порой поучаствовать в презентации новых книг (с неизменным угощением по этому поводу), иногда получить бесплатный экземпляр книги или журнала (или проспект, на худой конец), обсудить свои возможные проекты с потенциальным издателем и заручиться его поддержкой в этом смысле.

Так было всегда прежде. Но в Гётеборге случилось все по-новому. Праздник социологической литературы фактически отсутствовал. Формально основные издательские группы открыли свои стенды. Но на них зияли пустотой целые полки: нечего было выставлять. Стендисты в основном прогуливались в каких-то иных местах, оставляя на прилавках горы бедно изданных листовок, заменивших буклеты. Да и числом своим приехавшие издательства настолько поредели, что это рождало немой вопрос: а что, собственно говоря, произошло?

Дружеские беседы с заинтересованными лицами и экспертами отчасти прояснили картину. Во-первых, продолжающийся экономический кризис нанес весьма ощутимый удар по научным издательствам. Их продукцию просто никто не покупает. И что не покупается, то и не продается (и не производится) – таков закон рынка и в этой академической сфере. Во-вторых, – и, возможно, это главное, – печатная продукция обвалью уступила свое место электронным носителям и онлайн-депозитариям научных текстов. Все уважающие себя социологические журналы вложились в свои онлайн-версии и там реализуют свои проекты. Журналы и книги в традиционном формате превращаются в артефакты, служащие украшению богатых библиотек и кабинетов профессоров (не всех, разумеется). Научная книга как источник массового социологического знания уходит в тираж, т.е. самоуничтожается. Университетские библиотеки, традиционно бывшие главным потребителем издательской продукции, тоже подсократили свои аппетиты и ушли в виртуал. И если этот процесс еще не завершился в полной мере, то, судя по всему, финальные аккорды не за горами.

Стоит ли оплакивать социологическую книгу как традицию и жанр? Трудно сказать. А стоит ли оплакивать все остальное: живой драматический театр, фигуративную живопись, художественную литературу как таковую, наконец, хорошее доброе университетское образование? Все это – звенья одной цепи, а именно радикального изменения культурного ландшафта нашей современности. Так стоит ли оплакивать ту самую современность, к которой принадлежим? Вопрос чисто философский и, во всяком случае, риторический.

Конгресс: Ключевые понятия

Да, берусь утверждать: конгресс проходил в формате ИКЕА – скромно и со вкусом (шведским). И тем не менее как минимум два удара колокола-набата разрушили эту серую гамму и поставили на дыбы социологическое сообщество.

Первый – это *инвайронментальная тематика*, отношение общества и окружающей природной среды, социальная экология. Теперь это получило и свое опознавательное понятие – *climate change*. Нельзя сказать, что прежде эти темы не звучали в исследовательских комите-

тах МСА и на конгрессах. Но это звучание было приглушенным, а тема окружающей среды рассматривалась наряду со всеми другими. В Гётеборге она стала главной и определяющей. И, думается, отныне такой и останется. Не только конгресс открылся выступлением профессора Ли Юань Цзе, лауреата Нобелевской премии по химии из Тайваня, посвященным ближайшим и конечным угрозам человечеству со стороны природной среды, но практически во всех значимых докладах, произнесенных на съезде, экологический кризис современного общества присутствовал в качестве само собой разумеющейся и осмысливаемой константы.

В связи с этим напрашиваются несколько выводов.

Судя по всему, в *любом* социальном анализе и моделировании *чего-либо* экологическая составляющая отныне сравнялась по своей значимости с такими составляющими, как экономика, политика и культура. Теперь мы имеем не триумвират факторов, а взаимообусловленную комбинацию четырех факторов. Можно сказать, конгресс в Гётеборге узаконил эту ситуацию и сделал ее абсолютно нормативной. Иное соображение в этой связи подсказывает, что социологическое образование должно (прямо-таки именно *должно!*) реагировать на этот месседж мировой социологии.

Исходя из сказанного, я бы осмелился дать конгрессу в Гётеборге подзаголовок – Конгресс социального инвайронментализма.

Вторая тема или, если угодно, второе послание-набат конгресса касалось кризиса, охватившего современный мир. Здесь тоже обнаружили себя различного рода нюансы. Начнем с того, о каком кризисе шла речь. В основных пленарных докладах недвусмысленно прозвучала идея: современный кризис не есть только лишь кризис финансовый и ипотечный. Это кризис практически всех оснований западного, а потому и мирового сообщества. Маргарет Арчер, первая леди современной социологии, недвусмысленно указала на концепцию экономического человека. Именно он, наш родной и любимый экономический человек, столь хорошо знакомый на близком расстоянии, и есть источник этого кризиса: мол, оптимизация прибыли не выдерживает исторической миссии регулирования и балансировки сообществ в современных условиях. Конечно, мировая социология всегда была равнодушна к социал-демократической альтернативе, что тут говорить, но уж больно расширился и набрал в весе круг критиков современного капитализма – это бесспорно. Притом со стороны отнюдь не леваков, а вполне умеренных социологов. В этом смысле упреки в адрес социологии в том, что слишком поздно она включилась в обсуждение кризиса, теряют свою основную убедительность. Коль скоро кризис не есть только лишь финансовый кризис, а сотрясение основ Запада, то социология медленно запрягает, да быстро едет.

В этом алармистском ключе, так или иначе, звучали выступления почти всех грандов социологии, представленных на конгрессе. Мануэль Кастельс, достаточно спокойный и не вспыльчивый мыслитель, анонсируя свою новую, пока еще не опубликованную книгу «Сетевые войны» («Net wars»), нарисовал апокалипсическую картину распространения войны (а не просто «конфликта» или «столкновения-clash», как у С. Хантингтона) по всем сетям и на всех уровнях – от семьи до мегадержав и мировой системы в целом. Мол, «война» уже идет в сетях, она тихо входит в дома и семьи, проникает в бизнес, политику, СМИ, образование и т.д. Микроконфликты как ручейки вливаются в большие реки неуспокоенности, социального раздражения и кризиса ценностей. Иногда война, как протуберанец, вспыхивает вооруженным конфликтом, но в основном все происходит внутри, под поверхностью. Когда выйдет в свет книга Кастельса, ее можно и нужно будет обсуждать. А пока лишь зафиксируем общее впечатление: было бы трудно предположить более алармистское выступление от одного из наиболее уважаемых современных социологов. Глядя на Кастельса, спокойно выступающего с трибуны или улыбаясь позирующего фотографам в группе российских социологов в кулуарах конгресса, понимаешь, что мрачноватый алармизм социолога не есть проблема его личностного психологического состояния (что можно было бы принять во внимание в рамках анализа

его субъективности), но, напротив, это взвешенная и продуманная макросоциологическая экспертиза теоретического уровня, и от этого становится еще более не по себе.

Джон Урри и другие

Джона Урри нет смысла представлять каким-то особым образом. Кто не знает его известнейших книг по туризму, мобильностям, социологии за пределами общества! Короче – один из столпов социального знания наших дней и, кто знает, разворачивающейся исторической перспективы.

Урри заявил свой доклад о так называемом «посткарбонном обществе». С ним в паре, но по самостоятельной теме выступал В.И. Ильин из Санкт-Петербургского университета.

На этой сессии произошел редкостный аншлаг. Желавшие выслушать докладчиков не только заполнили все свободные места, но и шпалерами лежали на полу, выстланном ковролином. Выглядел подобный энтузиазм весьма живописно и даже духоподъемно в икеевской Швеции. Но в преддверии начала сессии появились местные пожарные и так породному, по-русски заблокировали сессию: мол, вместимость аудитории превышена в два раза, «не положено!». Всеми правдами и неправдами с пожарными договорились, и заседание началось. И извечно и абсолютно невозмутимый Урри получил возможность сделать свое послание городу и миру. И надо сказать без всякой иронии, доклад был обращен и городу и миру. Так получилось.

Под нейтральным и бесстрастным заглавием («Системы и их будущее») развернулся эпический рассказ о том, что будет с нашим миром в не столь отдаленном будущем. Коль скоро многочисленные и постоянно множась интерфейсы порождают все новые и новые взаимодействия систем и подсистем, социальные системы переходят в непредсказуемый режим трансформаций. Двадцатый век был основан на нефти («карбонное общество») и металлических средствах передвижения («автомобиль»). Это обеспечивало физическую / географическую мобильность и создало условия для мобильности виртуальной – различных форм дистантных контактов и сетей общения. В наши дни все это расцвело гипермобильностью населения, включая мобильность в коммуникативных сетях. Но покинуть карбонную цивилизацию наши сообщества не смогут. И потому всем нам придется осознавать себя живущими в условиях сокращения основного ресурса – углеводородов. (Альтернативные виды энергетики, по мысли Дж. Урри, не смогут стать полноценной заменой углеводородов.) Таким образом, «будущее систем» видится английскому социологу весьма характерно: постепенно истощающийся основной ресурс, что приводит к примитивизации жизни. Не прекрасные города будущего, отделяющие себя от внешней среды климатронами, а бугенвилльские поселки, построенные из остатков древесины и картона, опоясывающие деградирующие мегаполисы.

Весьма интересным продолжением доклада Дж. Урри стало выступление профессора В.И. Ильина, который анализировал повседневные практики бытового креатива в условиях кризиса (в том числе и ресурсного). И вновь был поднят вопрос о возрождении примитивных форм выживания и экономии. По мысли Ильина, это и домашнее шитье, и домашняя кулинария, и обработка приусадебных участков и пр. Все эти «мелочи жизни» предстали в виде достаточно монументальной реакции общества на нынешний и, главным образом, будущий кризис. Траектория будущего – это не только и не столько усложнение систем, сколько их примитивизация.

Стоит ли говорить, что оба доклада вызвали шквал вопросов и стали генератором спонтанной дискуссии прямо в зале заседаний.

Новый / старый социологический дискурс

Не секрет, что попасть в число участников конгресса с правом голоса и выступления не просто. Разного рода фильтры выделяют не столько лучших, сколько соответствующих профессиональным стандартам. Такова традиция и таковы правила. Однако заметные изменения в этих стандартах заявили о себе на конгрессе в Гётеборге.

Согласно традиционно-базовым представлениям социология в любом случае есть аналитика, т.е. раскрытие внутреннего содержания социальных явлений в соответствии с существующими научными понятиями и принципами. Все так, да не так.

Во многих секциях конгресса возобладала некая иная линия. Условно назовем ее широким *квазисоциологическим дискурсом* без определенных границ. Докладчики «рассказывают» о своих видениях своего объекта восприятия, своих ощущениях в связи с ним и, безусловно, своем «мнении» в отношении того, что хорошо или плохо в этом объекте и как надо ему развиваться. Более всего для определения этого подхода можно использовать термин внеаналитический *нарратив* по принципу *tell me something about anything*. Это своеобразная социология без ясно очерченных дисциплинарных границ, в которой любое высказывание о социальной реальности уже по умолчанию есть социология.

Более всего демонстрируют этот нарратив молодые социологи аспирантского уровня, представляющие региональные университеты развивающихся стран. И делают они это без страха и упрека. Видимо, их так научили, и других способов делать социологию они не знают. В связи с данной тенденцией возникает вопрос: это временное явление переходного характера или долговременный тренд? Не идет ли речь о некоем новом состоянии социологического дискурса, в котором нарративная внеаналитическая позиция будет окончательно канонизирована? И еще более широко: не есть ли это постглобализированная социология, принявшая и вобравшая в себя волны молодых социологий указанных регионов, но при этом переходящая на позиции, существенно отличные от классических?

Вопросы эти отнюдь не риторические. Ближайшее четырехлетие (всемирные конгрессы социологии проходят раз в четыре года) должно показать, будет или не будет реализована эта перспектива.

Выбор без выбора?

Всемирный конгресс – это и выборы на очередные четыре года президента Международной социологической ассоциации, членов Исполнительного комитета, Программного комитета. Словом, небольшая коррида в мировом социологическом масштабе.

На этот раз выборы президента заключали в себе любопытную интригу. Задолго до конгресса стало ясно: на пост президента будет претендовать Майкл Буравой. Почему стало ясно? Да просто неумная энергия известного социолога была полностью и точно сфокусирована на мобилизацию всех национальных ассоциаций и исследовательских комитетов в перспективе главной цели – избрания. М. Буравой за четыре предшествующих конгрессу года объездил все страны и веси, организовал конгрессы МСА в Тайбэе (Тайвань), выступал с различного рода инициативами (например, сайт *University in Crisis*), выступал в качестве докладчика на ведущих конференциях (например, на Европейской конференции ЕСА в Лиссабоне). Все это делалось с большой энергией, напором и хорошо продуманными заходами. Надо сказать, подобная активность выходила далеко за рамки традиционной и нормативной активности вице-президента МСА. То есть избирательная кампания началась давно и велась по всем правилам политических кампаний, но в приложении к академическому сообществу. Это само по себе было любопытно.

Соперником М. Буравого выступила Элиса Рейс из Бразилии – весьма известный и уважаемый профессор Университета Рио-де-Жанейро, в свое время возглавлявшая комитет МСА по социологической теории.

Пикантность ситуации состояла и в том, что американское прошлое и настоящее Майкла Буравого, по общему мнению, было очевидным минусом его кандидатуры в международном сообществе социологов с доминированием непроамериканских настроений, в том числе и в социологии. (Само по себе это представляется мне несколько странным. В конце концов, именно академический потенциал по идее должен доминировать над всем остальным, а не национальная принадлежность. Но это только «по идее».)

В этом смысле Элиса Рейс из Бразилии имела неплохие шансы побороться с Майклом Буравым на равных. Тем более что она представляла социологическое сообщество самой мощной латиноамериканской страны, в которой в абсолютных цифрах социологов больше, чем в США. Но свои шансы она реализовала не в полной мере. Она восприняла свою задачу исключительно в академическом ключе: мол, опубликовать заявление о намерениях и список публикаций. Все остальное и так ясно.

Выборы, состоявшиеся в Гётеборге, на мой взгляд, с очевидностью продемонстрировали, что и в социологическом сообществе срабатывают избирательные технологии, воплощением которых стал Майкл Буравой. Основанная им так называемая «публичная социология» и стала самым действенным инструментом решения избирательной задачи. Бесконечная публичность и мобильность, яркость и сценичность выступлений, инструментарий, заимствованный в СМИ, – все это сработало на все сто процентов. И хотя, безусловно, мировой научный авторитет Буравого не подвергается никакому сомнению, но именно ориентация на публичность обеспечила ему триумф.

Триумф, кстати сказать, чего или в каком смысле?

Думается, прежде всего, политический. Судя по всему, Буравой последовательно и успешно проводит в жизнь концепцию перманентной революции в социологии, подразумевающей, что ядро и энергия («энергетика») современной социологии находятся на периферии традиционных и исторически сложившихся центров генерации и распространения социологического знания. В рамках этой концепции МСА играет важную роль в качестве авторитетного форума всех социологий мира, на котором партию первых скрипок, по мысли Буравого, призваны сыграть новые исполнители. Да и сама партитура социологии, естественно, существенно видоизменяется. Ее научно-академическая миссия уступает миссии публично-преобразовательно-конструктивистской. Четко по одиннадцатому тезису о Фейербахе, но в применении к социологии. Все это очень интересно и важно. Как на это отреагирует все мировое социологическое сообщество? Коснется ли это только МСА или более широких сфер институализированной социологии? Ближайшие годы станут ответом на поставленные вопросы.

Стоит ли удивляться тому, что по своему внутреннему смыслу избирательный процесс в Гётеборге носил отчасти политизированный характер, ибо переориентация социологии – задача не столько академическая, сколько конструктивистски-политическая. В какой степени это осознавали голосовавшие участники конгресса? Сказать трудно. Сам Майкл Буравой, надо полагать, для себя (и не только) четко формулировал цели и задачи. Остальные участники находились на различных этапах осознания.

* * *

Конгресс, как принято говорить, уже стал достоянием истории. Оценить его несколькими словами невозможно, ибо он – отражение (и достаточно адекватное) положения социологии в современном обществе, вернее, в современных обществах. В любом случае, конгресс заставил задуматься о том, что в науке за «лесом» частных задач существуют большие стратегические

направления. Возможно, в этой отрезвляющей функции и была его основная недекларируемая задача. И с ней он справился, на мой взгляд, вполне.

К итогам XVII Всемирного социологического конгресса: Тезисы к выступлению на заседании Ученого совета Института социологии РАН 29 сентября 2010 г

О.Н. Яницкий

1. Этот конгресс вполне можно назвать *климатическим, или антикарбонным, конгрессом социологов*. Впервые его открывали и участвовали в ключевых пленарных заседаниях крупнейшие ученые-естествоиспытатели, которые объяснили собравшимся, что мир стоит на грани экологических мегарисков и катастроф, которые непредсказуемым образом могут изменить всю его институциональную и жизненную среду, если мы сами не поспешим изменить существующие институты и господствующие ценности.

2. Конгресс показал, что социологи начинают всерьез воспринимать принцип «устойчивого» сосуществования человечества и природы, хотя несоциологи его сформулировали почти полвека назад. Я имею в виду серию докладов «Римскому клубу», международные программы типа «Человек и биосфера» и др.

3. Конкретно речь на конгрессе шла о пределах. Каких? О пределах нового экспоненциального роста экономики после окончания кризиса; роста совокупной нагрузки потребления на среду, если Китай и Индия достигнут уровня благосостояния США; о пределах роста народонаселения Земли и, следовательно, о необходимости сокращения потребления энергии на душу населения. Но самый главный предел – это необходимость сокращения выбросов CO₂ – основного агента изменения климата. Наш ведущий полярный исследователь и политик Артур Чилингаров уже серьезно обеспокоен судьбой Норильска и других российских городов, стоящих на вечной мерзлоте, которая начала подтаивать.

4. Методически поворот к устойчивому развитию означает междисциплинарность. А. Турен, М. Арчер, М. Кастельс, П. Штомпка и другие ведущие социологи подчеркивали, что социология, чтобы сохранить свою идентичность и институциональную автономию, должна повернуться лицом к экономической науке и политике, в первую очередь – к геополитике. Как сказал Штомпка, «социологи, как и политики, должны принять *междисциплинарный подход* как норму». Отсюда, добавлю от себя, *социальная интерпретация* знаний, продуцируемых другими гуманитарными, а также естественными науками, есть сегодня ключевая задача социологии.

5. Теперь о других важных выводах. По мнению многих социологов и ученых-естественников, особенно из стран Третьего мира, мир сегодня делится не на развитый и развивающийся, а на «переразвитый» и деградирующий, международная помощь которому неэффективна: она просто проедается и разворовывается. Общество потребления порождает замкнутый круг: оно требует все больше энергии, загрязнение среды растет, соответственно, увеличиваются и расходы на снижение выбросов CO₂, все это увеличивает нагрузку на бюджет, государственные долги растут, финансовый пузырь снова надувается, что ведет к новому кризису.

6. По мнению М. Арчер и ряда других участников конгресса, современная социология приложила руку к созданию нынешнего экономического кризиса, так как: 1) пропагандировала индивидуализм как образец человеческой деятельности; 2) индивидуализм как политико-экономическая философия не способна противостоять неограниченной экспансии финансового рынка; 3) социологи не смогли концептуализировать реальную гражданскую экономику и здоровое гражданское общество; 4) политика западных государств была основана на индивиду-

алистической модели современного человека. Арчер назвала все это «молчанием социологии», что явно звучало как парафраза названия известного фильма «Молчание ягнят». От себя замечу, что Арчер, как и А. Гидденс, У. Бек, М. Элброу и другие, – постоянный автор ежегодника «Глобальное гражданское общество».

7. Россия не интересна социологам западного мира. Мы для них и они сами достаточно хорошо изучили российскую ситуацию. Если к России и есть интерес, то только *ресурсный* и *геополитический*. Мы можем включиться в мировой социологический диалог только одним способом: участием в *международных компаративных исследованиях*. Их цель – понять место и роль России в процессах глобализации.

Новый президент ISA М. Буравой уже сделал первую рассылку электронного Newsletter'a ISA, приглашая всех к участию в обсуждении двух проблем: глобализации и кризиса университетов. Это хороший шанс для нас высказаться по этим проблемам и, значит, быть услышанными. Ирония истории: 30 лет назад, когда мы были авторитарным государством, мы участвовали в крупных компаративных исследованиях, например по бюджетам времени. 25 лет назад я сам инициировал и организовал сравнительное исследование участия граждан в охране городской среды в 16 европейских странах! А сегодня, когда мы включены в процесс глобализации, мы в таких масштабных исследованиях не участвуем.

Чем ценны для нас компаративные исследования практически? Они помогают понять: 1) где на шкале глобализации мы находимся; 2) что у нас с остальным миром общее и что – различное; 3) что можно заимствовать, а что придется делать самим; 4) очень важный человеческий момент: в ходе таких исследований возникают контакты и доверие; 5) наконец, компаратив – это канал продвижения наших исследований в мировую социологическую копилку.

8. Теперь – о некоторых методологических основах изучения глобализации. Вот что утверждают А. Турен и другие: 1) сегодня социальное поведение зиждется на *несоциальных принципах и процессах*; 2) метаболизм, т.е. потоки и трансформация финансовых, людских и информационных процессов, – инструмент познания социальной динамики; 3) на место систем и действий приходят ситуации и связи; 4) кто сегодня является субъектом действия; например, в социологическую теорию введено понятие неинституциональных акторов; 5) место общества теперь занято «публичным пространством», ключевую роль в котором играют медиа и виртуальные структуры.

9. Какими могут быть эмпирические подходы к изучению глобализации? Один из них предлагает У. Бек. В своем выступлении он говорил об исследовательском компаративном проекте, основанном на идее «методологического космополитизма» для социологической интерпретации последствий изменений климата с двух взаимодополняющих позиций. Первая: в какой степени изменения климата будут фактором глобальной трансформации власти и неравенства, потенциально ведущих к конфликтам с применением *насилия*? И вторая: как сильно грядущие изменения климата будут способствовать созданию *космополитических «риск-сообществ»*, или, в моей терминологии, риск-солидарностей³, пока что сильно разобщенных социально и отдаленных друг от друга географически?

Основной политический вопрос, полагает Бек, это – *от кого придет поддержка* проэкологическим изменениям, – поддержка, которая во многих случаях, вероятно, подорвет их собственные условия и стиль жизни, привычные стандарты потребления и социальный статус? Или иначе: каким образом *космополитическая солидарность*, идущая поперек любых границ, станет реальным сообществом, которое является необходимой предпосылкой для транснациональной политики *сдерживания* климатических изменений?

Ключевая гипотеза Бека звучит следующим образом: чем более мир будет объединен изменением климата, тем более он будет им разделен, разобщен. Бек, именуя это *космопо-*

³ Яницкий О.Н. Риск-солидарности: Российская версия // Интер. – М., 2004. – № 2–3. – С. 52–61.

литической диалектикой климатических изменений, задается вопросом: как эти противоборствующие тенденции могут приспособиться друг к другу? Иначе говоря, что ждет нас впереди: нарастающая череда конфликтов или все же кооперация усилий, т.е. космополитическая солидарность?

Ответы на эти вопросы предполагают изменение исследовательской парадигмы: от все еще доминирующего сегодня «методологического национализма», основанного на принципе соответствия (и даже территориального совпадения. – *О.Я.*) между нацией, территорией, обществом и культурой – к «методологическому космополитизму». Точнее, говорит Бек, мы живем не в век космополитизма (в его старом философском понимании. – *О.Я.*), а в век космополитизации – «глобальный Другой» уже внутри нас. ***Мы нуждаемся в космополитической солидарности, говорит Бек.*** Сегодня мы живем в исторически переходный период «космополитизации». Поэтому мы нуждаемся в разработке социологического взгляда и затем – проекта, на основе которых эта солидарность может быть создана. Практически ее несущей конструкцией могут стать несколько крупнейших мегаполисов мира, объединенных в сеть. Сети этих городов безграничны и всепроникающи.

Как климатические изменения инициируют новые формы власти, неравенства и новые сообщества – вот фокус эмпирического исследования, которое проводится Бекон в четырех мегаполисах: Копенгагене, Сеуле, Осаке и Шанхае. Как мы, спрашивает он, сможем противостоять силе климатических изменений, мы, живущие в мире, который больше не имеет «наружной части», «выхода из него» и «Другого»? Отсюда еще одна историческая загадка для нас с вами: Генплан г. Москвы 1935 г. верстался на основе открытого обсуждения общественностью и международного конкурса урбанистов, хотя наше общество было тогда тоталитарным и отделено от остального мира «железным занавесом». А сегодня Москва – интегральная часть системы крупнейших городов мира, а ее новый Генплан сверстан по лекалам XIX в.

Наконец, подчеркивает Бек, космополитизация рискогенна, и мы, социологи, должны понять, каковы глобальные риски переходного периода к нему. Познание глобальных рисков – средство предвидения и предупреждения глобальной катастрофы. Частью этого исследования должно быть изучение (глобального) неравенства, равно как и (экологической) справедливости.

Заметки о Всемирном социологическом конгрессе в Гётеборге

Я.В. Евсеева

11–17 июля 2010 г. в шведском городе Гётеборге состоялся XVII Всемирный социологический конгресс, проводимый Международной социологической ассоциацией (МСА). В нем приняли участие более 5 тыс. ученых со всего света, в том числе и из России. Широко были представлены страны Азии, Африки, Латинской Америки.

В своей приветственной речи на церемонии открытия бывший на тот момент президентом МСА французский социолог Мишель Вевьорка отметил постоянное увеличение числа профессиональных социологов в мире и повышающийся статус социологии как в академической среде, так и в глазах широкой общественности. Среди основных черт современной социологии он назвал глобализацию знаний и развитие междисциплинарности. Вместе с тем он пожелал ученым не забывать о наследии прошлых эпох и укреплять теоретическую составляющую исследований.

Притом что в работе конгресса принимали участие члены всех входящих в состав МСА исследовательских комитетов и представленные доклады охватывали все возможные аспекты социологического знания, основной темой конгресса все же стала социология окружающей среды. Этой теме были посвящены президентские сессии и ряд пленарных заседаний, в рамках которых выступили с докладами ведущие социологи. Одним из наиболее ярких стало выступ-

ление немецкого исследователя Ульриха Бека. В своем докладе У. Бек обозначил необходимость перехода от методологического национализма к методологическому космополитизму. Вместе с тем он отметил, что новый подход неизбежно вступит в противоречие с привычным для жителей западных стран образом жизни и, вероятно, породит новые риски и конфликты. Получит ли методологический космополитизм поддержку снизу, со стороны обычных людей? На этот вопрос должен ответить проект, осуществляемый в данное время под руководством У. Бека: в четырех крупных городах, а именно Копенгагене, Сеуле, Осаке и Шанхае, исследуется потенциал развития космополитической солидарности.

Автор настоящей статьи принимала участие в работе исследовательского комитета «Социология старения». Среди тем, обсуждавшихся в рамках данного исследовательского комитета, – культурные репрезентации пожилого тела; этнические и гендерные аспекты старения; уход за пожилыми людьми; пенсионное обеспечение и другие вопросы социальной политики в отношении пожилых людей.

На заседании секции «Старение и медиа» («Aging and media») указанного исследовательского комитета автор сделала доклад на тему «Пожилые в российской телерекламе». В этом докладе был представлен ретроспективный обзор развития российской телерекламы, прежде всего с точки зрения воплощенных в ней образов пожилых людей и восприятия этих образов в российском обществе. Характерной особенностью современного состояния российской телерекламы является наличие двух типов героев: так называемые *old old* – пасторальные старушки из страны с заливными лугами (как, например, в рекламе молочных продуктов) и *young old* – успешные пожилые люди до 70 лет (представляющие в рекламе продукты для омоложения, здорового образа жизни и пр.). В ситуации характерной для государственных телеканалов самоцензуры и ограниченных возможностей для самовыражения ресурсом инноваций автору видится коммерческое телевидение и Интернет. В рекламе в Интернете пожилые герои предстают в оригинальных, в том числе иронических, контекстах. И если социальная реклама практически отсутствует на телевидении, то Сеть – это неиссякаемый источник социальной рекламы, в том числе посвященной проблемам пожилых людей.

На заседании секции «Старение и медиа» был сделан ряд заслуживающих внимания докладов. В частности, Джулия Розанова и ее коллеги сделали доклад о репрезентации обитателей домов для престарелых в американской прессе. Аня Хартунг представила исследование об образах пожилых героев в современном немецком художественном кино. Работа Ренаты Седлаковой и Люси Видовиковой касалась изображения пожилых людей в чешских, а Гражины Раполене – в литовских медиа. Наконец, Войцех Ковалик выступил с сообщением, посвященным пожилым пользователям Интернета в Польше.

Как можно видеть, докладчики делились на представителей западных стран (Западной Европы и США) и Восточной Европы. Этот факт во многом предопределил содержательные различия, которыми характеризовались сделанные доклады. В Восточной Европе представление о пожилых людях носит стереотипный характер, их по-прежнему часто воспринимают как слабых и пассивных. Чтобы сюжет о пожилых людях был опубликован в прессе или появился в выпуске новостей на телевидении, они должны совершить поступок, который будет оценен окружающими как нечто экстраординарное. Отсюда оттенок сенсационности, скандальности в изображении пожилых людей в восточноевропейских медиа. Сотрудники же западных медиа, согласно докладчикам, изображая пожилых людей, преследуют цель привлечь внимание публики к важным, с их точки зрения, проблемам.

Что касается освоения пожилыми людьми Интернета, то в отличие от западных стран, где данный процесс идет полным ходом, для восточноевропейских стран это все еще новое явление. Тем не менее за расширением круга пользователей, в том числе за счет пожилых людей, восточноевропейским исследователям видится будущее.

Социология пожилого возраста в настоящее время, как показал, в том числе и конгресс в Гётеборге, находится в авангарде исследований в социальных науках. Положение пожилых людей рассматривается в связи с такими вопросами, как устойчивое развитие, равенство и демократия, медиа, новые технологии. Старение населения – общемировой процесс, и по мере развития этой тенденции общественные и научные ресурсы будут все в большей мере переориентироваться на проблемы пожилого возраста.

На закрытии конгресса было названо имя нового главы МСА. Им стал бывший президент Американской социологической ассоциации Майкл Буравой. В своей ответной речи он обозначил актуальные проблемы и перспективы развития мировой социологии. В частности, он отметил следующее. С одной стороны, в современном мире для отношений на разных уровнях характерно неравенство. С другой стороны, многие процессы принимают глобальный характер; вне этих процессов не может остаться практически ни один регион. Скажем, текущий экономический кризис затронул не только Северную Америку и Европу, но и Азию и Латинскую Америку. В связи с этим необходимо поощрять диалог между странами и культурами. Одним из способов стимуляции этого диалога должно стать развитие электронной коммуникации. Подобное общение необходимо развивать и между учеными.

Завершились официальные мероприятия конгресса презентацией Йокогамы – столицы следующего Всемирного социологического конгресса, который состоится в 2014 г.

Из материалов конгресса

Переосмысливая неравенство и власть в эпоху климатических изменений: Возникновение «космополитических» риск-сообществ ⁴

У. Бек

Мы должны без долгих предисловий задать ключевой вопрос: почему угрожающее человечеству разрушение окружающей среды не влечет за собой штурм Бастилии, почему в экологической области не происходит своей Октябрьской революции? Почему самые неотложные проблемы нашего времени – климатические изменения и экологический кризис – не были встречены с тем же энтузиазмом, энергией, оптимизмом, идеалистическими настроениями и демократическими ожиданиями, как прошлые трагедии нищеты, тирании и войн? Вот один из ответов на эти вопросы.

Дискурс экологической политики до сих пор остается экспертным, элитарным дискурсом, в котором народы, общества, граждане, работники, избиратели и их интересы, взгляды, их голоса во многом игнорируются. Поэтому, чтобы поставить политику климатических изменений с головы на ноги, необходимо принимать в расчет социологическую перспективу.

Многие годы ученые, занимающиеся проблемами климата, приводят убедительные доводы в пользу решительных мер в борьбе с глобальным потеплением. Стерн добавил к этому недостающий экономический аргумент: по его утверждению, расходы на необходимые сегодня мероприятия по борьбе с глобальным потеплением ничтожны по сравнению с ценой бездействия (11). В будущем бездействие может ежегодно стоить глобальной экономике 20% ее производительности. Современное обоснование экологических мер состоит в том, что сделанные сегодня инвестиции в защиту окружающей среды в будущем принесут многократную прибыль. Продолжением этой линии аргументации стала книга Э. Гидденса «Политика климатических изменений» (4).

Экономические и политические инициативы, направленные на борьбу с климатическими изменениями, предполагают *экологизацию обществ*. Экологическая политика обречена на провал, если большинство общественных групп, при всех их различиях, не перейдут от разговоров к реальным действиям и голосованию в ее пользу – подчас вопреки своим собственным интересам. Только если мы найдем ответ на неотложный и в известном смысле табуированный вопрос: откуда должна прийти повседневная *поддержка снизу*, поддержка со стороны обычных людей, принадлежащих к разным нациям, общественным стратам, стоящих на разных идеологических позициях, происходящих из стран, которые в неодинаковой мере затронуты климатическими изменениями и по-разному их воспринимают, – лишь в этом случае политика по противодействию климатическим изменениям перестанет быть элитарным «журавлем в небе».

«Недостающее социологическое звено» – это не просто возможности и пожелания. Если бы только было достаточно одних благих намерений! Ключевой социологический вопрос: с какой стороны и от кого придет поддержка проэкологическим изменениям, – поддержка, которая во многих случаях, вероятно, подорвет привычный образ жизни людей, их стандарты потребления, социальный статус и изменит их условия жизни? Или иначе: каким образом космополитическая солидарность поверх любых границ приведет к реальной «экологизации

⁴ Тезисы лекции, прочитанной на XVII Всемирном социологическом конгрессе.

общества», являющейся необходимой предпосылкой транснациональной политики климатических изменений?

Я говорю здесь об исследовательском проекте, а не о каких-то результатах. Цель этого проекта состоит в использовании идеи «методологического космополитизма» для создания социологического концепта, позволяющего понять последствия изменений климата с двух взаимодополняющих позиций. Первая: в какой степени изменения климата будут фактором глобальной трансформации власти и неравенства, потенциально ведущих к конфликтам с применением насилия? И вторая: насколько изменения климата будут способствовать созданию «космополитических» риск-сообществ, пока что сильно разобщенных социально и отдаленных друг от друга географически?

Ответы на эти вопросы предполагают изменение парадигмы: переход от доминирующего сегодня «методологического национализма», основой которого служит неоспариваемая предпосылка точного соответствия между нацией, территорией, обществом и культурой, – к «методологическому космополитизму». Особого внимания заслуживает то, как климатические изменения влияют на общество, инициируя новые формы власти, неравенства и небезопасности.

Проект предполагает эмпирическое исследование в четырех городах – Копенгагене, Сеуле, Осаке и Шанхае. Ключевая исследовательская гипотеза состоит в следующем: *чем более климатические изменения сплачивают мир в одно целое, тем более он оказывается разобщенным, и наоборот*. Используя несколько старомодный термин, я называю это *космополитической диалектикой* климатических изменений. Исследовательский проект связан с поиском ответов на вопросы: как эти противоборствующие тенденции могут приспособиться друг к другу? Будут ли они провоцировать конфликт или побуждать к сотрудничеству? А если и то и другое, то в какой пропорции и при каких условиях? Как можем мы совладать с нашей уязвимостью перед мощью климатических изменений, мы, живущие в мире, который больше не имеет «внешней среды», «выхода из нее» и «другого» («no “outside”, no “exit”, and no “other” anymore»)?

Цель моего проекта состоит в том, чтобы проверить на практике *парадигмальный сдвиг от методологического национализма к методологическому космополитизму*. Термин «космополитический» стал неотъемлемой составляющей описаний эпистемологического вызова, который порожден климатическими изменениями и в рамках которого «человечество» и «мир» – не только мыслимые, но необходимые социальные, политические и моральные характеристики положения человека в современном мире. Тем не менее этот проект призван расширить и углубить космополитическую теорию благодаря исследованиям ее применимости в неевропейском контексте и прояснению ее методологических основ. Мой исследовательский императив состоит, таким образом, в том, чтобы поставить подчас неверно понимаемый концепт космополитизма с его философской головы на научные социологические ноги. *Мы живем не в век космополитизма, а в век космополитизации – «глобальный другой» уже внутри нас.*

1. Кейс-стади № 1. Инсценировка и отображение в медиа глобальных рисков, конфликтов и солидарности: «Мировое кино»

Внимание, уделяемое «инсценировке» и «отображению в медиа», тесно связано с фокусировкой социальной теории на «новых глобальных рисках», т.е. *ожидаемых* рисках, которые не предзаданы извне (природой, богами), не являются вычисляемыми неизвестными (допустимыми в современной науке, технологиях, экономике и т.п.), но представляют собой рукотворные, некалькулируемые феномены, от которых невозможно застраховаться. Подобные новые «риски» часто остаются незамеченными, и будут ли они осознаны, зависит от того, какое определение они получают в структуре «знания» и в каком ракурсе их станут обсуждать в каче-

стве его составляющей. Наши экологические перспективы во многом находятся в зависимости от глобальных новостных медиа, Интернета, кино, распространения книжной продукции, публичных выставок и т.п. В таком случае вопрос состоит в следующем: будучи инсценированными и отображенными в медиа, при каких условиях глобальные риски могут стать *«космополитическими событиями»*, взрывная волна от которых охватит весь мир? Каков будет результат, когда за глобальными кризисами вроде климатических изменений станет следить аудитория, выходящая за пределы национальных государств? И является ли концепция воображаемых космополитических сообществ – в новом, расширенном варианте – подходящим инструментом для изучения социальных и политических последствий изменений климата?

«Мировое кино» является многообещающей исследовательской областью, исследование которой призвано помочь найти ответы на эти вопросы. Под «мировым кино» я имею в виду не какой-то конкретный фильм или какое-то из средств массовой коммуникации, я имею в виду весь спектр форм публичной инсценировки – таких, как репортаж в СМИ, популярное искусство и т.п. «Мировое кино» рождается лишь в глазах его зрителей, в рассуждениях комментаторов – как на национальном уровне, так и на уровне мирового общественного мнения. Говоря точнее, это пример такого типа рефлексии, при которой Другой включен в точку зрения субъекта. Недавний и пока недостаточно изученный феномен подобного рода – это фильм «Аватар», в котором рассматривается тема экологического империализма. Этот фильм представляет собой культурный продукт, который, среди прочего, неожиданно вызвал серию парадоксальных интерпретаций в разных обществах по всему миру. В первую очередь «Аватар» породил прямо противоположные мнения по разные стороны Тихого океана. Китай восхищался героическим, неистощенным туземным племенем в изображении Джеймса Камерона. В глазах китайских зрителей «Аватар» стал «великой моделью». Заместитель руководителя департамента по кинематографической политике и цензуре призвал китайских режиссеров брать пример с Камерона и изображать «дарованные небесами права человека». Напротив, американские правые камнями на камни от «Аватара» не оставили за его, с их точки зрения, антиамериканский характер (см. статьи Джона Нолта, главного редактора блога *Big Hollywood*, и Джона Подгорца, сотрудника журнала *Weekly Standard*). Республиканцы заклеили Камерона как «врага государства», поскольку многие примеры зла в его фильме были навеяны американскими образцами. Общественная интерпретация и реконфигурация «Аватара» относительно таких вопросов, как эксплуатация природных ресурсов, экологическое неравенство, властные отношения в обществе, свидетельствуют о реальной ориентации на космополитическую перспективу. Китайские зрители не просто с сочувствием отнеслись к показанным в фильме далеким сообществам, фильм не просто дал им почву для размышлений о жестокой международной конкуренции – они также использовали его как мерило для оценки собственных китайских реалий. Демонстрация «мирового кино» и вызванные им реакции приглушили жесткие оппозиции «мы – они», «природа – общество», «глобальное – локальное», «настоящее – будущее». Но, конечно же, понятие «мировое кино» подлежит расширению, причем не только за счет включения в него опыта будущих фильмов, но и за счет большего разнообразия художественных инсценировок, в которых общественные дискуссии по поводу климатических изменений станут воображаемым сценарием, призывающим реципиентов (слушателей, читателей, посетителей картинной галереи) узнать больше об угрожающих человечеству экологических проблемах и поразмышлять о возможных способах реагирования на них.

2. Кейс-стади № 2. Переосмысливая неравенство и власть:

Саммиты по проблемам климата

В эпоху климатических изменений социология неравенства больше не может исходить из посылки о различии между национальным и интернациональным. Отождествление социального и национального неравенства – постулат методологического национализма – явилось источником принципиальных ошибок. Поэтому необходимо перейти к новой парадигме, методологическому космополитизму, и задаться в этой связи рядом вопросов. Каким образом климатические изменения обостряют социальное неравенство в национальном и международном контекстах? Как экологические проблемы разделяют победителей и побежденных по всему миру? Чтобы основательно изучить эти вопросы, необходимо отказаться от излишне узких методологических рамок, в которых проблема неравенства ограничивается категориями «валового национального продукта» или «дохода на душу населения». Соответственно, исследования, ведущие к выходу из нынешнего тупикового состояния социальной теории, должны концентрироваться на вредоносной комбинации бедности, социальной уязвимости, коррупции, накопления опасностей и потери достоинства, имеющей место на глобальном уровне.

В глазах доведенных до нищеты жителей стран Юга «космополитизация», или, иными словами, идея о «глобальном Другом внутри нас», представляет собой ситуацию *двойной асимметрии*. Эти люди наиболее уязвимы, их страдания самые тяжелые; при этом они в наименьшей степени ответственны за глобальное потепление, и в то же время у них меньше всего средств для борьбы с экологическими бедствиями. Какое значение имел для них саммит по проблемам климата, состоявшийся в декабре 2009 г. в Копенгагене? Была ли это для них катастрофа или уникальная возможность быть услышанными всем миром? Не прояснив понятие «географическая социальная уязвимость» и не проведя глубокого эмпирического исследования данного явления, невозможно понять, какой смысл несут в себе климатические изменения для переоценки неравенства и власти.

Феномен уязвимости, безусловно, невозможно понять вне связи с будущим. Но у него есть и исторические корни. Например, составляют ли «культурные раны», являющиеся результатом колониального прошлого, важную часть исторического опыта, который мог бы способствовать пониманию экологических конфликтов, выходящих за рамки внутренних проблем одного государства? Подобные вопросы могут стать предметом рассмотрения на международных политических саммитах по проблемам климата. Недавний пример – саммит в Копенгагене. Но не стало ли для таких стран, как Бразилия, ЮАР и Индия, колониальное прошлое наиболее существенной составляющей идентичности, которую они проявили на этой всемирной ассамблее? Подобно китайцам, они утверждали, что требовать от бедных стран более радикального сокращения вредных выбросов в атмосферу, нежели требуется от США или Евросоюза, в принципе несправедливо, тем более что именно индустриальный Запад ответствен за повсеместное распространение тех климатических угроз, от которых страдает сейчас весь остальной мир. Символично, что бразильские и китайские лидеры прибегли к одной и той же шутиливой метафоре, иронично сравнив США с богачом, который, объевшись на банкете и раздосадовав своим поведением окружающих, приглашает соседей на чашку кофе и просит их разделить с ним счет. Вопрос, следовательно, состоит в том, каким образом и в какой мере ощущение несправедливости, являющееся частью космополитической перспективы изменений климата, способно помешать разработке глобального экологического Нового Курса.

Положительный контрпример являет собой «саммит действия», организованный в Хельсинки в январе 2010 г. ради спасения Балтийского моря от последствий многолетнего загряз-

нения, экологической деградации и человеческого равнодушия. Хельсинкские события продемонстрировали, что маленькие страны, частные компании и индивиды не должны ждать, пока в игру вступят крупные международные игроки. Это была первоклассная иллюстрация того, как в условиях относительного регионального равенства (т.е. в отсутствии глобального дисбаланса, существующего между развитыми и развивающимися странами, а также напряжения, имеющего место в отношениях Китая и США) подобная инициатива снизу, поддерживаемая активистами и аналитиками после событий в Копенгагене, способствует созданию воображаемых космополитических риск-сообществ.

3. Кейс-стади № 3. Космополитические сообщества транслокальных городских пространств

Если национальный угол зрения сменить на космополитический, возникает совершенно иной образ сообщества. Климатические изменения означают не только угрозу небывалых катастроф, потенциально угрожающих человечеству, но в то же время и именно по этой причине они открывают невиданные прежде возможности для формирования новых социальных сетей, сообществ и общественных институтов. Мы, таким образом, оказываемся перед вызовом: каким образом нам следует концептуализировать города и городские сообщества в качестве важных коллективных акторов, способных направить в определенное русло восприятие рисков и организовать создание космополитических сетей и сообществ с целью противодействия последствиям климатических изменений? Какова взаимосвязь между социальным неравенством, национальными и религиозными различиями и возникновением воображаемых космополитических риск-сообществ? Национальные сообщества считаются ограниченными и эксклюзивными по своему характеру. Если же космополитические сообщества, напротив, вообразить себе безграничными и инклюзивными, то что именно в данном контексте означает «инклюзивный»? Означает ли это, что космополитизация не является дихотомическим Другим национализма? Могут ли национализм и космополитизм рассматриваться как диалектические близнецы? И если да, то каким образом?

Методы. Настоящий проект разрабатывается для того, чтобы при помощи эмпирических методов максимизировать возможности наблюдения за космополитическими сообществами, возникновение которых связано с риском и солидарностью в сфере климата. Единица эмпирического анализа концептуализируется как «транслокальное пространство» различных городов по всему миру, характеризующееся двумя чертами: а) активная городская политика, направленная на предотвращение негативных последствий климатических изменений; б) наличие городов (портов) с космополитической традицией и активное сетевое взаимодействие по проблемам климата с городами в других странах. Данный кейс будет фокусироваться на изучении ситуации в четырех городах, расположенных в двух географических регионах, с возможностью последующего расширения области применения методики и на другие регионы мира. Эмпирические задачи, стоящие перед исследователями в каждом из названных городских пространств, состоят в следующем. *Какие* экологические инициативы предпринимаются в данном городе (скажем, формирование новой транспортной инфраструктуры, строительство новых жилых районов, разработка новых климатических приспособлений и т.п.)? *Каким образом* эти инициативы находят свое отражение в меняющихся социальных нормах и практиках (например, как под их влиянием трансформируются потребление, отношение к экологичным стилям жизни, политическая активность в сфере проблем климата и т.д.)? И *как* новые воображаемые сообщества, воплощаемые в этих инициативах, задумываются и конституируются на основе разделяемых всеми участниками представлений о риске и солидарности (в частности, в том, что касается неравенства и общей ответственности)?

4. Методологический космополитизм

Пришло время рассмотреть значение и границы применимости космополитической социологии за пределами Европы. В этом состоит одна из целей проекта, и это станет важным шагом вперед для теории и исследовательской практики методологического космополитизма. Разнообразные международные контексты подвергались анализу в прошлом (прежде всего в голову приходят гендерные исследования и исследования опыта различных меньшинств). То были многообещающие начинания, но осуществлялись они все еще в рамках националистической социологии. Некоторые последующие попытки предполагали обращение к транснациональной социологии миграции и иным подобным феноменам. Тем не менее предложение взглянуть внутрь Европы со стороны, иными словами, использовать социологические концепции, по большей части разработанные в Европе (такие, как космополитизация и воображаемые космополитические риск-сообщества), – это настоящий вызов. Как отреагируют те, кто получит такое предложение, и в какой мере они будут способны изучать свои собственные реалии сквозь линзы, изготовленные и отполированные в Европе? А как насчет европеизированных социологий и социологов? Как они отреагируют, если их послышки и исследовательские перспективы будут разоблачены как порождение фальшивого универсализма? Если вновь разрабатываемой космополитической социологии когда-либо и был брошен вызов, то это он и есть. На данный вызов я предлагаю методологический ответ, состоящий из двух частей: а) единица анализа и б) социальная теория космополитических климатических изменений.

Единица анализа. Настоящий проект подвергнет сомнению одно из наиболее влиятельных убеждений, касающихся общества и политики. Это убеждение сковывает и социальных акторов, и социальных ученых. Речь о методологическом национализме. Единицей анализа в рамках методологического национализма является общество, организованное в территориальных границах нации-государства. Тем самым эпистемологический вопрос, порожденный космополитическим поворотом в социальных науках, звучит следующим образом: какая единица анализа способна стать (приемлемой) основой социальной теории и социальных исследований *за пределами* методологического национализма, так чтобы у нас появился инструмент для сравнительного анализа? В последние годы эмпирические исследования в различных дисциплинах – таких, как антропология, география, историография и международные отношения, – привели к разработке большого числа концепций, призванных опровергнуть якобы «естественное» отождествление общества, нации и государства. Примерами подобного подхода служат осуществленная Полом Гилроем концептуализация «Черной Атлантики» (5), принадлежащая Саскии Сассен идентификация «Глобального города» (10), идея «бегства» («scapes») Арджуна Аппадураи (2), проведенное Мартином Элброу исследование «Глобальной эпохи» (1) и написанный мной в соавторстве с Эдгаром Грандом анализ «Космополитической Европы» (3).

Подобное разнообразие концепций и исследовательских подходов представляется возможным успешно систематизировать с помощью двух отличительных признаков. С одной стороны, новые единицы анализа можно идентифицировать в зависимости от того, касаются ли они процессов транснационализации или *транснациональных структур*. Примером первого феномена являются транснациональные миграционные процессы, в то время как иллюстрацией последнего случая могут стать сообщества-диаспоры, где мигранты осваивают новые формы транснационального (со)существования. Второй отличительный признак характеризует *локализацию и спектр* проявлений космополитизации. Под подобным спектром имеются в виду те роли, которые национальное как единица анализа все еще играет в эпоху космополитизации. Локализация же отмечает точку, в которой на космополитизации делается особый акцент. На сверхнациональном уровне это относится к феноменам вроде мировых регионов и мировых религий, на субнациональном уровне – к таким акторам, как локальные сообще-

ства, частные компании, рабочий коллектив, семья, индивид и т.п. Конечно же, возможен вариант, при котором государство-нация и национальное как институт продолжают существовать, но при этом лишаются своей методологической монополии – речь идет, например, о том случае, когда они становятся частью новых форм политической организации и общественного устройства. Методологическим следствием подобного положения вещей станет необходимость находить новые единицы анализа, которые содержали бы в себе национальное, но содержательно с ним не совпадали. Я бы назвал это «*укоренением национального*». Вместе с тем значительно более многообещающие возможности связаны с «*замещением национального*» иными объектами исследования. Это вовсе не значит, что национализм устаревает или теряет свою актуальность. Исследовательский вопрос в данном случае заключается в том, каким образом ниже следующий инструментарий может быть использован для оптимизации и развития практик и норм методологического космополитизма.

Инструментарий методологического космополитизма

	Процессы	Структуры
Укореняя национальное	космополитическая европеизация; «рекурсивная космополитизация» (9)	режимы транснациональной политики (7); мировые режимы
Замещая национальное	«корабли в движении» (5); «мировое кино»; «космополитические инновации» (12)	транслокальные городские пространства; транснациональные мигрантские сети (6); локальные сообщества; семья; индивид

Социальная теория космополитических климатических изменений. Наконец, в рамках данного тематического комплекса будут разрабатываться различные направления эмпирического и методологического анализа, результаты которых лягут в основу социально-политической теории космополитических климатических изменений. В дополнение к национальным конструктам «мы» – «они» можно идентифицировать три дуалистические пары модерна (представляющие основные направления в социальной теории), посредством которых мы можем наблюдать процессы космополитизации в климатической сфере (8).

1. «Природа – общество»: различие между естественным климатом и климатом антропогенным (искусственным) иллюзорно; это область онтологии.

2. «Глобальное – локальное»: глобальный климат и локальная погода стали взаимосвязанными категориями; запутанность метеорологических прогнозов оказывает значительное влияние на формирование смыслов и идентичностей; это область географии.

3. «Настоящее – будущее»: настоящее и будущее взаимодействуют по-новому, на непознаваемом будущем делается особый акцент; это эпистемология.

Три указанных направления являются плодотворными линиями социологического исследования. Они могут позволить нам лучше понять, почему климатические изменения имеют такое значение как для отдельных обществ, так и для всего мира в целом.

Литература

1. Albrow M. The global age: State and society beyond modernity. – Cambridge: Polity, 1996. – 246 p.
2. Appadurai A. Modernity at large: Cultural dimensions of globalization. – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 1996. – 229 p.
3. Beck U., Grande E. Cosmopolitan Europe. – Cambridge: Polity, 2007. – 311 p.

4. *Giddens A.* The politics of climate change. – Cambridge: Polity, 2009. – 264 p.
5. *Gilroy P.* The Black Atlantic: Modernity and double consciousness. – L.; N.Y.: Verso, 1993. – 261 p.
6. *Glick Schiller N.* Beyond methodological ethnicity and towards the city scale: An alternative approach to local and transnational pathways of migrant incorporation // Rethinking transnationalism: The meso-link of organisations / Ed. by L. Pries. – L.: Routledge, 2009. – P. 40–61.
7. *Grande E.* Vom Nationalstaat zum transnationalen Politikregime – Staatliche Steuerungsfähigkeit im Zeitalter der Globalisierung // Hrsg. von U. Beck, Ch. Lau Entgrenzung und Entscheidung: Was ist neu an der Theorie reflexiver Modernisierung? – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2004. – S. 384–401.
8. *Hulme M.* Why we disagree about climate change: Understanding controversy, inaction and opportunity. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2009. – 392 p.
9. *Levy D.* Recursive cosmopolitization: Argentina and the global human rights regime // British j. of sociology. – L., 2010. – Vol. 61, N 3. – P. 579–596.
10. *Sassen S.* The global city: New York, London, Tokyo. – Princeton: Princeton univ. press, 2001. – 447 p.
11. *Stern N.* The economics of climate change. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2007. – 692 p.
12. *Tyfield D., Urry J.* Cosmopolitan China? Lessons from international collaboration in lowcarbon innovation // British j. of sociology. – L., 2009. – Vol. 60, N 4. – P. 793–812.

Перевод Я.В. Евсеевой под ред. Д.В. Ефременко

Потребление по ту сторону кризиса ⁵

Дж. Ритцер

«Мы» как потребители несем свою долю ответственности за «Великую рецессию», начавшуюся в конце 2007 г. Но фокусироваться только на том, что мы сделали как потребители, значило бы – как минимум в какой-то степени – «заклеймить жертву» (1). Я не говорю, что мы ни при чем, что мы не сыграли значительную роль в создании своих экономических проблем (жадностью, проявившейся в слишком большом потреблении и колоссальном долге; наивностью в отношении проблем, которые мы сами себе создали). Но *есть* и другая сторона медали, и это то, что «они» сделали «нам». «Они» в данном случае – финансовые кудесники, банкиры, чиновники кредитных организаций, магнаты и брокеры в сфере торговли недвижимостью, воротилы маркетинга и рекламы, остатки наших «капитанов промышленности» (2, с. 209) и «капитаны коммерции» (например, те, кто рулит торговой сетью Wal-Mart, и те, кто рулил почившей сетью Circuit City). Конечно, фокусировка на том, что сделали «они», столь же однобока, как и интерес исключительно к тому, что сделали «мы». Тем не менее обратиться к тому, что сделали они, вполне резонно. В конце концов, именно они:

– создали блистательные новые финансовые инструменты (деривативы, кредитные дефолтные свопы);

– создали инновационные новые ипотечные закладные (закладные с устойчивым процентом и даже такие, при которых выплату процентов можно переносить на следующий месяц с добавлением этих процентов к основному, неснижаемому платежу; кредиты с плавающей процентной ставкой; кредиты для лжецов, подталкивающие людей предоставлять ложные сведения о своем финансовом положении, особенно о своем доходе);

⁵ Перевод текста, подготовленного Дж. Ритцером к XVII Всемирному социологическому конгрессу. Автор не смог выступить на сессии конгресса, в рамках которой был запланирован его доклад. – *Прим. ред.*

- создали маркетинговые и рекламные кампании, призванные побудить нас к покупке всякого рода вещей (компактный гриль GEORGE FOREMAN, «Виагра»), которые нам не нужны и которыми мы часто не пользуемся;

- умудрились угробить такие крупные корпорации, как GM, Chrysler, AIG, Lehman Brothers и др.;

- изобрели такие храмы потребления, как Wal-Mart, IKEA и Carrefour, чтобы подтолкнуть нас к гиперпотреблению, например с помощью «ценовых лидеров» и иллюзии низкой цены («дорогое по низкой цене», «дешево»);

- изобрели другие храмы потребления – казино-отели Лас-Вегаса, гигантские круизные лайнеры (новейшие из них вмещают до 6 тыс. туристов), Диснейленды, мегамоллы – дабы завлечь нас в них крупными зрелищами (и побудить тратить в них большие денежные суммы);

- были и остаются неотъемлемыми элементами капиталистической системы (особенно крайностей американской капиталистической системы), жадность и алчность которой поставили ее на грань саморазрушения.

Итак, я хочу сосредоточить внимание на том, что они сделали нам, хотя должно быть ясно, что мы тоже несем значительную долю ответственности за «Великую рецессию»; ведь во многих отношениях мы – это они, а они – это мы (переиначив известные слова commodora Перри «мы встретили врагов, и они оказались нашими», мы могли бы сказать, что «мы встретили врагов, и они оказались нами»).

Хотя в американской экономике все более преобладает потребление (им объясняется около 70% американской экономики), журналистское и научное внимание к ней чаще всего фокусируется на вещах, относящихся к производству: на производительности труда, заводах, рабочих физическом труде, профсоюзах, уровне безработицы и т.д. Хотя вопросы эти остаются важными, мы часто мыслим экономику в терминах, больше пригодных для 1950 г. или даже 1900-го. В двух словах, предприятие уже не находится в центре американской экономики; скорее в центре ее находятся места (или храмы) потребления, такие как торговый молл, гипермаркет (типа Wal-Mart), ресторан быстрого питания и шопинг, все более переходящий в онлайн-режим. Поэтому если мы хотим по-настоящему понять «Великую рецессию», мы не можем опираться только на объяснения, относящиеся к производству, а нам нужно также взглянуть на роль потребления в этом едва ли не полном коллапсе экономики.

Я сосредоточусь на роли, сыгранной храмами потребления, которые являются одним из главных моих интересов; однако у «Великой рецессии» есть и другие связанные с потреблением причины.

В течение десятилетий рынок США наполнялся дешевыми продуктами (например, блестящими электронными гаджетами из Азии), часто стоящими в странах, которые их производят, гораздо дороже. Этому оказалось трудно и даже глупо сопротивляться. Как показали многие исследователи, в том числе совсем недавно Эллен Шелл в книге «Дешево» (2009), низкие цены дорого нам обходятся (эта идея чаще всего ассоциируется с Wal-Mart), и в числе этих издержек – их роль в подстегивании гиперпотребления.

Кроме того, есть продаваемые вроде бы по низким ценам (но при этом высокоприбыльные) продукты промышленного изготовления (см. *Food Inc.*), все больше покоряющие полки наших супермаркетов и составляющие основу успеха ресторанов фаст-фуда, а также более солидных ресторанных сетей. Недорогие продукты питания промышленного изготовления (апельсин будет стоить, скорее всего, больше, чем гамбургер из «Макдоналдса») тоже несут с собой такие же высокие издержки, не говоря уже о пагубном воздействии на здоровье потребителей (ожирение, диабет, особенно у детей).

Америку характеризовали чрезмерные масштабы легкомысленного и даже мошеннического кредитования. При тех событиях, которые привели к «Великой рецессии», мне не нужно углубляться в эксцессы и злоупотребления, связанные с ипотекой и кредитными и дебитными

картами, которые втянули миллионы американских потребителей в такие долги, с которыми они никогда не могли и не имели никакого способа расплатиться.

Всевозможного рода компании вкладывали миллиарды – а возможно, и триллионы – долларов в то, чтобы сделать продукты привлекательными и даже неотразимыми. В этом плане очевидные злодеи – это маркетинг и реклама (см. телесериал «Чокнутые»), ведущие потребителей, обычно ненамеренно, в сторону потребления плохих продуктов (например, сигарет в эру Чокнутых) и гиперпотребления.

Нельзя забывать и о роли, сыгранной в стимулировании потребления у американцев, особенно среднего класса, правительством США (это касается и других стран). Есть, например, долгосрочные налоговые льготы, такие как льготные процентные ставки и налоговые льготы при платежах по кредитам, помогающим ускорить постройку или покупку дома. Далее, есть сделанные после 11 сентября заявления мэра Нью-Йорка Руди Джулиани и президента Джорджа Буша, что нам нужно выходить из дома и покупать (а также ответ Роберта Райха, который спросил, с каких это пор потребление стало нашим общественным долгом; а оно, конечно, таковым стало и остается). Заявления и программы, оглашавшиеся с начала «Великой рецессии» по настоящее время, включают:

- пакеты мер по стимулированию покупок, скидки с налогов (2008), а также страхи по поводу того, что люди станут сберегать деньги, а не тратить их на потребление;
- обеспокоенность сохраняющимся нежеланием потреблять и *ростом* нормы сбережений (после десятилетий озабоченности крохотными нормами сбережений в нашей стране);
- выплата наличными деньгами за старые драндулеты, скидка в объеме 8 тыс. долл. при покупке первого жилья и т.п.

Здесь явно есть фундаментальное противоречие: правительство питает отвращение к причинам «Великой рецессии» – особенно к гиперпотреблению и колоссальному долгу, – критикует их (по крайней мере публично), но никак не может допустить медленного роста экономики и снижения налоговых поступлений, связанных с падением потребления. Правительство чувствует необходимость стимулировать экономику вообще и потребление в частности, но это ведет к возможности по крайней мере постепенного возобновления гиперпотребления и чрезмерного долга.

Каковы «наши» (США) возможности в свете «Великой рецессии»?

1. Возвращение в сельскохозяйственную эпоху? По многим причинам маловероятно: здесь недостаточно денег, прибыли; в эпоху промышленного сельского хозяйства недостаточно рабочих мест; мало кто из американцев вернулся бы (мог бы вернуться) на ферму и к фермерскому труду.

2. Возвращение в промышленную эпоху? Тоже невероятно, поскольку большинство наших некогда успешных «копящих отраслей» мертвы или умирают; возрождать их слишком дорого; другие части мира ушли в этих отраслях далеко вперед, особенно технологически; нам пришлось бы платить нашим «новым» промышленным рабочим зарплаты, близкие к тем, которые им платят в менее развитом мире, и т.д.

3. Возвращение в эпоху услуг? Услуги все еще важны, но находятся в упадке, по крайней мере в некоторых районах США (например, центры обработки вызовов, радиология), в результате аутсорсинга; упадок в сфере обслуживания обусловлен также недавним падением потребления, поскольку многие сервисные рабочие места («McJobs») связаны с потреблением; и хотя есть много высокооплачиваемых, высокостатусных сервисных рабочих мест, в секторе обслуживания имеется также растущее число этих низкостатусных, низкооплачиваемых «McJobs», которые лишь немногие хотели или могли бы себе позволить занять ввиду низкой оплаты труда.

4. Отсутствие приведенных выше альтернатив возвращает нас, хотим мы того или нет, к потреблению как пути к экономическому успеху в США (учитывая то, что потребление состав-

ляет 70% американской экономики, то, что индекс потребительского доверия (CCI) вырос относительно индекса цен производителей (PPI), и то, что в плане корпоративной значимости и размера компания «Дженерал Моторс», например, вытесняется сетью Wal-Mart).

5. Какие еще альтернативы? Альтернативная энергия и экологически чистые продукты и процессы; скорее всего, они не будут находиться в центре американской экономики, по крайней мере в обозримом будущем.

Таким образом, после нынешнего кризиса потребление скорее всего продолжит преобладать в американской экономике и нести с собой целый спектр плачевных последствий; среди них особенно важно разрушительное воздействие такой экономики на среду. Другие проблемы следующие:

1) можем ли мы покупать друг у друга достаточно услуг, связанных с потреблением, чтобы обеспечить процветание экономики;

2) действительно ли помогает нашей экономике покупка сравнительно более дешевых (но иногда опасных и вредных для здоровья) продуктов из Китая и т.д.;

3) можем ли мы, как и любая другая экономика, достичь посредством потребления состояния изобилия? (Сегодня кажется очевидным, что в эпоху до 2007 г. многие достигали потреблением лишь иллюзии изобилия.)

Вероятный сценарий будущего.

1. Глобальное экономическое положение США после Второй мировой войны (преимущества в производстве) и после 1950-х или 1970-х годов и «Республики потребления» (преимущества в потреблении; подъем потребительского общества) было одинаково неустойчивым.

2. США нужно будет приспособиться к относительно более скромной экономике (снижение уровня заработной платы; меньше гиперпотребления и демонстративного потребления).

3. Грядет глобальное перераспределение богатства (ОПЕК, Китай, Индия, Бразилия и т.д.).

4. Большее глобальное экономическое равенство приветствуется (мне это легко сказать), хотя возникают и новые неравенства (например, между нефтедобывающими странами, внутри Китая и между ним и его соседями).

Есть ли какие-то основания для надежды на лучшее?

А. Творческое разрушение: шумпетерианская вероятность того, что на руинах прежнего производства и потребления в США (пустые автозаводы, стрип-моллы, гипермаркеты) родится что-то новое.

Б. Сравнительные преимущества США: как практически и у всех, у США есть сравнительные преимущества, на которые можно опереться, в том числе система высшего образования и долгая история творческого созидания, изобретательность, способность к инновациям – особенно в будущем на основе сжатия пространства и времени и повышения скорости.

Литература

1. Ryan W. Blaming the victim. – N.Y.: Vintage, 1976. – 351 p.
2. Veblen T. The theory of the leisure class: An economic study in the evolution of institutions. – N.Y.: Macmillan, 1899. – 400 p.

Перевод с англ. В.Г. Николаева

После конгресса

Принимая вызов глобальной социологии – от Гётеборга к Йокогаме ⁶

М. Буравой

Более 5 тыс. социологов из 103 стран собрались 11–17 июля 2010 г. в Гётеборге на XVII Всемирный социологический конгресс. Число участников было велико как никогда – больше, чем в Билефельде в 1994 г., в Монреале в 1998 г., в Брисбене в 2002 г., в Дурбане в 2006 г. Мы должны поблагодарить и поздравить программный комитет, возглавляемый Хансом Йоасом, национальный оргкомитет Швеции, возглавлявшийся Уллой Бьёрнберг, и прежде всего мадридский секретариат, руководимый неутомимой Изабеллой Барлинской, которые так блестяще справились с нашествием социологов. Значительно возросло не только число зарегистрированных участников конгресса, но и число собственно членов МСА, которое теперь почти вдвое больше, чем восемь лет назад. Этим мы во многом обязаны президенту Вевьорке, стоявшему во главе МСА последние четыре года. Именно он уловил новый тренд в социологии и запечатлел его в теме Гётеборгского конгресса: «Социология в движении». Он призвал нас к более ясному пониманию того, как, почему и где мы находимся впереди других.

Если в пору своей юности МСА и социология в основном черпали силы в том, что плыли на волне истории – послевоенной и далее постколониальной реконструкции, – то сегодня они движимы тем, что плывут против течения, против разрушительного сговора рыночного фундаментализма и новых регулятивных государств. Критика неуправляемого превращения всего в товар и безудержной бюрократизации характеризовала историю социологии от классиков до современников, от марксизма до структурного функционализма, от феминизма до глашатаев социальных низов. Но по мере того как этот поток превращается в губительный сель, все больше ставится под удар вдохновляющий социологию образ: само понятие общества. Можно сказать, что социология становится реальной утопией, озабоченной судьбой нашей вечно ненадежной планеты и ее взаимосвязанных сообществ, и она заставляет нас бить тревогу, но также находить и предлагать альтернативы.

Силы, ополчившиеся против нас, внушительны. Университеты и исследовательские учреждения по всему миру сталкиваются с двойными угрозами. С одной стороны, приватизация и коммодификация производства знания грозят превратить ученых в придатки университетских бизнес-офисов и их частных партнеров. С другой стороны, бюрократическое регулирование и лишённые разумности системы ранжирования в академическом мире удушают освоение новых интеллектуальных областей и отвлекают силы от исследований насущных социальных проблем. В некоторых странах эти двойные угрозы усугублены старомодной системой подавления или новомодным надзором за учеными. Если вы сомневаетесь в том, что дела обстоят настолько скверно и жутко, загляните в интернет-блог МСА «Университеты в кризисе».

В этом контексте социология особенно уязвима. Во многих местах социологи могут выжить, только подрядившись обслуживать корпоративные задания или бюрократические программы, в которые они не верят. Там, где социологи проявили твердость и отказались поддерживать безбрежные рынки и служить регулятивным государствам, они объединились с дру-

⁶ Перевод выполнен по источнику: *Burawoy M. Meeting the challenges of global sociology – from Gothenburg to Yokohama.* – Mode of access: <http://www.isa-sociology.org/global-dialogue/newsletters/globaldialogue1.pdf>

гими социальными силами и стали бастионом защиты – не только от приватизации знания и превращения его в товар, но и, в более широком плане, от новых форм коммодификации труда, денег и природы, порождающих кумулятивные кризисы XXI в. Социология является здесь связующим центром, потому что встает на позиции общества – будь то гражданское или негражданское, стабильное или нестабильное, – в противовес чрезмерной маркетизации и имперскому этатизму. Но эта битва уже не может удержаться в национальных границах. Она требует от нас выковывания активного глобального социологического сообщества и одновременно выстраивания своих зон интересов вне академической науки. Это одна из причин того, почему МСА обретает все большую важность и почему она привлекает все больше членов в свои ряды.

Это непростой вызов, но мы сможем достичь успеха, если будем опираться на значительные достижения МСА. Если говорить конкретно, то согласно моей программе глобальная социология должна держаться на трех «китах», или трех «М»: *Media, Membership, Message* – Медиа, Членстве и Послании городу и миру. *Мы будем творчески пользоваться электронными медиа, чтобы выстроить более инклюзивное и интерактивное членство, продвигая в то же время глобальное послание, адресованное собственному сообществу и людям за его пределами.* Эти новые и старые проекты будут предполагать тесное сотрудничество нового вице-президента по публикациям Дженнифер Платт, сменившей на этом посту Девору Калекин-Фишман, и Роберта ван Крикена, нового вице-президента по финансам и членскому составу МСА, который приходит на смену Джен Фриц.

Позвольте мне начать с первого «М» – электронных медиа. Тут у меня есть шесть предложений, которые я надеюсь реализовать в ближайшие четыре года.

● *Информационный бюллетень.* Я начну издавать информационный бюллетень «Global Issues». В настоящий момент вы читаете материал для его первого выпуска. Президент и вице-президенты будут высылать членам МСА регулярные отчеты о своей деятельности. У членов организации будет форум для предложений и критических замечаний, дабы они могли открыто заявлять о своих ожиданиях в отношении МСА. Бюллетень будет средством двусторонней коммуникации между Исполкомом и членами ассоциации со всего мира.

● *Электронный бюллетень.* Мы возродим под новым названием электронный бюллетень, постоянным редактором которого будет Винеета Синха, сделав его широко доступным и гораздо более заметным, создав для него собственный веб-сайт и расширив круг тех, кто будет участвовать в его издании.

● *Университеты в кризисе.* Нам нужно развить лучшее понимание быстро меняющегося контекста исследований и преподавания, в поле которого мы развиваем нашу социологию. Соответственно, я продолжу и наполню большей значимостью интернет-блог «Университеты в кризисе», в котором анализируется академическая жизнь во всех уголках земного шара.

● *Переводы.* Одна из вечных проблем нашей ассоциации – это языки, которые нас разделяют. Мы много раз ее обсуждали и продолжим обсуждать дальше. Мы должны быть к ней восприимчивыми. Одно из предложений, выдвинутых мной и другими, состоит в том, чтобы принять согласованные усилия по переводу важных научных статей, опубликованных в разных концах мира, на английский язык с целью сделать их доступными для всех членов МСА. Нужно также найти способ сделать журналы «International sociology» и «Current sociology» доступными для тех, кто преподает и пишет на иных языках, нежели английский.

● *Портреты социологии.* За многие годы разнообразие членов МСА выросло во многих направлениях. Чтобы оценить это многообразие и лучше понять, что значит делать социологию в разных контекстах, я бы предложил создать и разместить на нашем веб-сайте видеоколлекцию материалов о повседневной жизни социологов – известных и неизвестных – из разных стран.

● *Глобальная социология – Live!* Я предлагаю открыть регулярную программу по глобальным проблемам, включающую короткие лекции и / или интервью с социологами всего мира. Это будет поток видео- и аудиозаписей, размещенных в YouTube. Задача – создать международную аудиторию для живого вещания глобальной социологии. Нам нужно доказать себе и другим, что наши взгляды являются как критическими, так и конструктивными.

Таковыми способами *медиа* реально создают *членство*, и это мое второе «М». Электронные медиа могут собирать нас вместе по-новому, позволяя огромному числу социологов, которые не могут позволить себе ездить на всемирные форумы и конгрессы, участвовать в нашем сообществе. Кроме того, электронные медиа могут наполнить интервалы между конгрессами непрерывной виртуальной глобальной беседой. Таким образом мы можем заложить основы более широкой публичной сферы – международной для нашей организации в целом, но вместе с тем связывающей нас с непосредственно окружающим нас миром.

Однако самих по себе электронных медиа недостаточно. Нам нужен вовлеченный, уполномоченный членский состав нашей организации, охватывающий весь мир. Построение такого членского состава требует дополнения виртуальной коммуникации взаимодействием членов МСА по принципу «лицом-к-лицу». Здесь МСА уже сослужило нам добрую службу. У нас уже есть очень активное «созвездие» исследовательских комитетов и множество конференций, проводимых на регулярной основе; кроме того, есть национальные ассоциации социологов со своими конференциями, не говоря уже о региональных ассоциациях Латинской Америки, Европы, Азии и Тихоокеанского региона, Африки, тюркоязычных стран, франкоязычной и португальязычной ассоциациях и т.д. МСА ежегодно поддерживает также два-три региональных симпозиума.

Построение динамичного глобального членства МСА означает уделение большего внимания Младосоциологам, особенно растущим рядам молодых социологов «Глобального Юга». Это непросто, поскольку Младосоциологи озабочены построением своих индивидуальных карьер, имеют мало времени и обладают ограниченными финансовыми ресурсами. Между тем они – наше будущее, воплощающее в себе новое поколение идей, и они составляют более одной пятой наших членов. Многого мы уже делаем и сейчас. У нас есть ежегодные лаборатории для аспирантов, инициированные в период президентства Альберто Мартинелли, и конкурс научных эссе для молодых социологов, проводимый раз в четыре года, – но я хотел бы создать для молодых социологов еще и другие площадки и поводы для встреч, которые лучше помогали бы им интегрироваться в МСА. Во время поездок по миру я буду предпринимать особые усилия для встреч с молодыми коллегами.

Два крыла нашей ассоциации – Комитет координации исследований, представляющий 55 исследовательских комитетов, и Комитет по связям между национальными ассоциациями, представляющий 55 национальных ассоциаций, – проводят свои промежуточные конференции. И здесь мы переходим от вопросов медиа и членства к Посланию «городу и миру». Как совместить эти организационные формы с новыми медиа, чтобы продвигать в мир и сообщества Послание глобальной социологии?

На самом деле мы уже сделали большие шаги в этом направлении. Так, Артуро Родригес Морато, бывший вице-президент по исследованиям, выступил с таким начинанием, как Всемирный форум МСА, впервые проведенный в Барселоне в 2008 г. Маргарет Абрахам, наш новый вице-президент по исследованиям, будет отвечать за организацию следующего подобного форума в 2012 г. Информация о подаче странами заявок на его проведение широко разослана. Помимо сбора исследовательских комитетов в одном месте, задача форума – сделать так, чтобы профессиональная социология оказывала влияние на уникальные и усугубляющиеся проблемы нашего времени. Следовательно, форум нацелен на построение и укрепление связей с потребителями социологического знания вне академического мира.

Миссия Всемирного форума созвучна идее публичных социологий, овладевшей умами многих и, что не менее важно, вызвавшей в нашем сообществе яростные споры о том, кто мы такие и чем мы занимаемся. На сегодняшний день мы имеем более 20 симпозиумов по публичной социологии, материалы которых опубликованы в разных журналах в разных частях нашей планеты; социологи анализируют свою область изучения с целью лучше разобраться в проблемах локального, национального и глобального значения. При этом нельзя мыслить публичную социологию вне связи с профессиональной, критической и прикладной социологией. Каждый тип социологии зависит от других, но их конфигурация кристаллизуется в иерархические поля, выглядящие в разных частях мира очень по-разному. Несмотря на эти различия национальных социологий, есть между ними и много общего. В результате введения международных систем оценки, международных рейтингов университетов, гегемонии английского языка в научных публикациях и глобальной конкуренции за студентов социологи сбиваются в противостоящие лагеря: тех, кто ориентирован на международные сети, и тех, кто укоренен в своих ближайших окружениях, космополитов и локалистов. Эти лагеря отдаляются друг от друга.

Мы должны бороться с такими центробежными тенденциями, и, вообще, нам надо попытаться наводить мосты через многочисленные геополитические расколы, укрепляя ткань нашего глобального сообщества социологов. Эту ткань надо плести не сверху, с высот некоей единственной гегемонистской социологии, а сообща создавать снизу – через национальные ассоциации, исследовательские комитеты или иные инструменты, признающие и уважающие разнообразие социологий. Так, например, во всем мире много институтов, укорененных в локальном обществе и обладающих долгими традициями публичной социологии, таких, как SWOP (Институт общества, труда и развития при Витватерсрадском университете в Южной Африке), CREA (Центр социальных и образовательных исследований при Барселонском университете) и CENEDIC (Центр изучения прав гражданства, Университет Сан-Паулу). Поэтому еще один проект состоит в том, чтобы сделать работу этих и подобных им учреждений более известной, связав их друг с другом в глобальную сеть и, возможно, подсоединив к конкретным исследовательским комитетам. Всем этим учреждениям удастся встраивать свою публичную ангажированность в серьезные исследовательские программы, подвергая социологию постоянному критическому переосмыслению и даже предпринимая принципиальные вмешательства в область политики.

Наконец, Комитет по связям национальных ассоциаций спонсирует собственную конференцию, проводимую раз в четыре года. Тина Ус, наш новый вице-президент по национальным ассоциациям, будет организовывать очередную конференцию в 2013 г. Последняя проходила в 2009 г. в Academia Sinica на Тайване. В ней приняли участие представители 43 стран, и она была посвящена обсуждению неравенств и господств, которые нас разделяют, т.е. применению социологии для анализа нас самих – по-настоящему опасной научной «забаве». Повестка дня этой волнующей конференции включала: языковое доминирование, неравенство в материальных и социальных ресурсах, приватизацию исследований и потребность в развитии альтернативных теоретических схем. В трех региональных изданиях опубликовано 53 статьи; их можно найти по электронному адресу: <http://www.ios.sinica.edu.tw/cna/index.php>

Ракель Соса, нашему новому вице-президенту по программе, и мне хотелось бы использовать дискуссии в Тайбэе как платформу для конгресса 2014 г. в Йокогаме. Его обобщающий лозунг – «Перед лицом неравного мира: Вызовы глобальной социологии». Мы перейдем от расколов, с которыми мы сталкиваемся внутри нашего сообщества, к ошеломляющим неравенствам на мировой сцене. Дело не просто в том, чтобы зафиксировать их множественные параметры, хотя это само по себе важно. Нам нужно понять глубинные процессы, которые их порождают, – в особенности создание новых форм эксплуатации, но также исключение рабочей силы, опустошающие последствия новых финансовых систем, разрушение окружающей среды, приватизация знания (здесь названы лишь четыре процесса, общие для всего мира). Одного

объяснения здесь недостаточно; мы многое узнаём, предлагая и используя способы, с помощью которых можно аннулировать эти неравенства, от микроэкспериментов в экосообществах до таких систем кооперативов, как Мондрагон, и налога Тобина на финансовые трансакции. Для каждой критической позиции мы должны обеспечивать конструктивные и конкретные альтернативы. Социология как реальная утопия должна укрепляться связями с другими реальными утопиями.

Многие из тем, предлагаемых нами, уже были приведены «в движение» в Гётеборге. Мы намерены уделить им всестороннее и пристальное внимание в Йокогаме. Тем временем впереди нас ждет многообещающая программа, осуществление которой будет планироваться на страницах предлагаемого бюллетеня. Движения МСА в предстоящие четыре года больше всего зависит от вашей реакции, как критической, так и позитивной.

Перевод с англ. В.Г. Николаева под ред. Н.Е. Покровского

Рефераты

К вопросу о переосмыслении публичной социологии М. Буравого: Постэмпиристская реконструкция

Р.А. Морроу

Morrow R.A

Rethinking Burawoy's public sociology: A post-empiricist reconstruction // Handbook of public sociology / Ed. by V. Jeffries. – Lanham: Rowman & Littlefield, 2009. – P. 47–69

Рэймонд А. Морроу, профессор социологии Университета Альберты (Эдмонтон, Канада), полагает, что призыв Майкла Буравого к институционализации публичной социологии (2, с. 4–28), являясь по форме политическим манифестом, на деле представляет собой «амбициозную социально-теоретическую схему реконструкции всего дисциплинарного пространства социологии как науки» (с. 470). К сожалению, предложенная схема, при всей ее внешней привлекательности, осталась непроработанной: она напоминает поле, которое забыли возделывать, прежде чем бросить туда семена. Если сама по себе идея обновления социологии, прозвучавшая в президентском обращении Буравого к Американской социологической ассоциации в 2004 г., импонирует автору статьи, то способы ее теоретико-практической реализации в рамках модели социально-политической переориентации всей дисциплины вызывают серьезные возражения. Предложенное Буравым разделение дисциплинарного поля социологии на четыре отдельных сегмента (профессиональная, политическая, критическая, публичная социология), ориентированных (попарно) на инструментальное либо рефлексивное знание, нуждается в радикальном переосмыслении. Такой шаг, в свою очередь, предполагает выработку «конструктивных альтернатив», обсуждение которых и составляет основное содержание настоящей статьи.

Обращение Буравого к своим коллегам в США вызвало широкую дискуссию в международном сообществе социальных ученых – беспрецедентную по своей географии и полемической заостренности, замечает Морроу. У создателя проекта четырехчастной социологии нашлось немало оппонентов – и не меньшее число сторонников. Последних привлекла «используемая Буравым умиротворяющая фразеология дюркгеймовского плюрализма, сулящая надежду на эффективность новейших форм разделения труда» в социологии (с. 48). Не причисляя себя к заложникам этой иллюзии, Морроу тем не менее не разделяет и огульного отрицания программы Буравого, в особенности ее «реконструктивного пафоса». «Проблема состоит в том, что при ближайшем рассмотрении эта модель в ее настоящем виде – несмотря на всю провокационную дидактическую интуицию, которая подготовила ее возникновение и послужила основанием для ее эвристического использования, – не может быть одобрена в качестве (мета)теоретической схемы социологии», – констатирует Морроу (там же). Другими словами, канадский социолог выступает за кардинальную реконструкцию проекта М. Буравого – при сохранении его «реконструктивной направленности». В этом он видит отличие своей

точки зрения (и задач своей статьи) от принципиального неприятия позиции Буравого многими социологами Нового и Старого Света.

Автор намерен пересмотреть идеи Буравого «в международном контексте европейской социальной теории, канадских и латиноамериканских социальных исследований», а также собственных разработок в русле «критической теории и методологии» и «постфундаменталистской критической теории» (подробнее см.: 6). Такой контекст представляется тем более необходимым, что проект Буравого, базирующийся на принципе полярности рефлексивного и инструментального типов знания, «является образчиком исторически сложившейся конфигурации аналитических тенденций, наиболее заметной именно в американской социальной науке» (с. 48). Морроу предлагает переместить модель Буравого в иное метатеоретическое пространство, где: а) будет преодолено неадекватное методологическое противопоставление теории и практики в общественном знании; б) расширится сегмент критической социологии за счет внедрения в нее элементов социальной теории; в) получит иную интерпретацию профессиональная социология; г) произойдет внутренняя дифференциация политической социологии и будут выявлены ее связи с социологией публичной; д) будут найдены убедительные аргументы в защиту современных форм разделения труда в социологии.

Обоснование своей альтернативы программе М. Буравого Морроу предваряет кратким обзором критических замечаний, уже прозвучавших в адрес ее автора. В обобщенном виде критика публичной социологии может быть сведена к четырем ключевым темам:

1) «социологическая миопия», которая мешает разглядеть несоответствие амбициозных замыслов Буравого его ставке исключительно на социологию; социология, даже в ее «публичной» форме, в одиночку не сможет реализовать программу Буравого хотя бы потому, что значительная часть ее исследований и теоретических разработок базируется на результатах, полученных в других областях социального знания (в частности, почву для публичной социологии подготовили многочисленные междисциплинарные проекты в русле традиции «action research» (4); в отличие от экономики, политической теории или теории права, социология пока не может претендовать на самодостаточность;

2) сомнительный статус публичной социологии как представительницы интересов гражданского общества в его противостоянии государственным и рыночным структурам; одномерность прочтения ее задач исключительно в терминах оборонительных тактик;

3) степень обоснованности и «прочности» публичной социологии перед лицом позитивистской и эмпиристской критики ее эпистемологического выбора (приоритет ценностно-моральных суждений в ущерб «канонам строгой науки»);

4) адекватность программы Буравого задачам современного общественного знания; проблематичность главного тезиса о разделении труда в социологии на фоне общепризнанной тенденции к созданию «внутридисциплинарного единого фронта»; приверженность худшим стереотипам социально-теоретического мышления с его склонностью к схематизации и категоризации явлений и субъектов общественной жизни.

По мнению большинства оппонентов Буравого, расчленение социологии неоправданно хотя бы потому, что эта дисциплина «одновременно публична, профессиональна, политически ориентирована и критически заострена»; социология «всегда интеллектуальна, моральна и публична», а продуцируемое ею знание – «рефлексивно, инструментально и ценностно окрашено» (3, с. 365–372; 1, с. 195–209; 8, с. 169–175). Морроу особо выделяет критические замечания Э. Эббота, который считает «ужасной ошибкой» Буравого метатеоретическое структурирование социологии вокруг оси «средствацели» (инструментальное знание *против* рефлексивного) и расценивает как некорректное однозначное сопряжение критической социологии с левыми политическими течениями. Моральные суждения вполне возможны вне всякой связи с политическим выбором, справедливо замечает Эббот, а реализация гуманистических ценностей не привязана ни к какому из социологических методов (1, с. 188).

Морроу использует аргументы Эббота как отправной пункт своей альтернативной мета-теоретической схемы. Ее методологическим фокусом становится отказ от жесткого противопоставления практически ориентированной и теоретической социологии. Соответственно, необходимо пересмотреть и принцип попарного противопоставления сегментов дисциплины: профессиональной и политической на одной «оси» социологического знания, критической и публичной – на другой. Альтернативная схема, пишет автор статьи, предполагает уменьшение напряженности и конфликта между «осями» социологического знания (по Буравому) и в то же время – выявление внутренней неоднородности и даже противоречий в пределах вычлененных секторов социологической науки. Принципиальным моментом новой схемы должна стать относительная автономия всех типов социологического знания, составляющими которого выступают:

1) профессиональная социология – эмпирическое знание, опосредованное прикладной рефлексией, базирующееся на тех или иных социально-теоретических предпосылках и использующее разнообразные объяснительные стратегии;

2) социальная теория – концептуальное знание, эмпирически и контекстуально обусловленные гипотезы, философское обоснование социологического знания в междисциплинарном пространстве.

Перечисленные области социологии как научной дисциплины являются прерогативой академического сообщества ученых, две другие так или иначе связаны с публичной сферой общественной жизни; это:

1) политическая социология, постулирующая относительный приоритет средств над (идеальными) целями общественного развития – при несовпадении двух ее возможных фокусов: технократического (акцент на выработке средств и их инструментальном применении для решения текущих политических задач) и либерального (акцент на демократическом обсуждении соотношения средств и целей в рамках социально-политического плюрализма);

2) публичная социология – относительное превалирование идеально-нормативных целей общественного развития в ущерб «техническим расчетам» и поиску путей их достижения; реализует себя в контексте традиционного (в рамках политических элит) либо демократического (гражданские инициативы и социальные движения) общественного диалога.

Критической социологии в этой схеме отведена промежуточная, но отнюдь не второстепенная роль опосредующего звена между четырьмя областями теоретического / прикладного социологического знания, а также функции медиатора академической и публичной сфер общественной жизни. Этот тип социологической рефлексии связан с объяснительными стратегиями, квазиэмпирическим знанием и знанием неэмпирическим. Предложенная схема, разумеется, уступает в элегантности «исходной матрице 4 Ч 4», замечает Морроу, но ее преимущество состоит в наглядной демонстрации того факта (отмеченного Э. Эбботом), что «все социологические исследования так или иначе рефлексивны и не свободны от ценностного компонента, а критика не может быть редуцирована до уровня политической категории» (с. 51).

Конкретизацию своей модели Морроу сочетает с детальной и даже изощренной критикой целого ряда теоретических тезисов М. Буравого. Первым шагом на этом пути становится доказательство несостоятельности ссылок Буравого на авторитет М. Вебера, в частности – его попыток связать собственное толкование форм социологического знания с веберовской концепцией типов рациональности. Так, инструментальное знание (во всех его ипостасях) оказывается соотношенным с целерациональностью, рефлексивное (также в любом его виде) – с рациональностью ценностной. При этом Буравой причисляет к разряду целерациональных действий как «разгадывание ребусов» профессиональной социологией, так и «решение общественных проблем» социологией политической. Аналогичным образом ценностная рациональность (нормативное знание) характеризует как академический дискурс, связанный с познава-

тельными стратегиями и методами, так и общественные дебаты о перспективах социального развития.

С точки зрения автора статьи, доводы Буравого уязвимы сразу по нескольким позициям. Во-первых, Вебер вряд ли согласился бы с уподоблением социологического исследования «разгадыванию ребусов». Во-вторых, если «разрешение политических проблем» с некоторой натяжкой еще можно отнести к разряду целерациональных (инструментальных) действий, то к «разгадыванию теоретических ребусов» такая характеристика явно неприменима: «логика эффективности» (по Веберу) едва ли может быть оправдана, если речь идет о поиске научной истины. В-третьих, ценностная рациональность (нормативное знание, по Буравому) и целерациональность (знание инструментальное) – это категории, которые использовались Вебером для типологии социальных действий, но не знания. В таком случае может ли (опять-таки в терминах Вебера) рассмотрение процессов конституирования социального знания (в любой его форме) быть рядоположено таким инструментальным действиям, как предпринимательство или политическое реформирование общества? В данном случае в аргументацию автора четырехчастной социологии «вкралась неявная подмена типологии действий тем, что выглядит как дифференциация эпистемологическая: инструментальное знание против знания рефлексивного», – констатирует Морроу (с. 55).

Кроме того, М. Буравой не вполне ориентируется в том многообразии терминов, которые использовал Вебер для классификации типов рациональности. Несмотря на отмечавшуюся комментаторами некоторую непоследовательность Вебера в этом вопросе, «социально-научная деятельность все же принадлежит сфере концептуальной либо формальной (или, может быть, теоретической) рациональности, но никак не рациональности инструментальной... в ее понимании как средства технического контроля» (там же). Таким образом, апелляция Буравого к авторитету классической социологии не достигает своей цели: принцип поляризации рефлексивного и инструментального знания никак не согласуется с теорией рациональности М. Вебера. Еще меньше эта установка согласуется с веберовским пониманием социологии как таковой, поскольку Вебер «не только не отождествлял концептуальную рациональность социологии с инструментальным ее использованием», на чем настаивает Буравой. Он «также не принимал и тезиса о том, что ценностная рациональность может быть формой “знания”», поскольку, как известно, разделял естествознание и науки социальные, базирующиеся на понимании социальных смыслов (с. 56).

Следующий шаг в реконструкции четырехчастной схемы социологии связан с переосмыслением рефлексивно-нормативной критической социологии, которая должна быть абсорбирована социальной теорией. Задачу, поставленную М. Буравым перед критической социологией – «анализировать основания исследовательских программ профессиональной социологии – как явные, так и скрытые, как нормативные, так и дескриптивные», – Морроу называет «призывом к шизофреническому раздвоению сознания» (цит. по: с. 56). Критическая социология, по Буравому, обязана в одно и то же время быть на уровне современных исследовательских практик (т.е. являться профессиональной) и осуществлять функции мета-теоретического и морального арбитра социологической дисциплины в целом. Подобная двусмысленность назначения аналитической области, обозначенной как «критическая социология», не является исключительной особенностью модели Буравого, подчеркивает автор статьи. Данное понятие изначально подразумевало как осмысление философских оснований социального знания, так и анализ социальной практики. Не случайно о работах Хабермаса иногда говорят, что в них больше философии, чем реальной социологии (см.: 7, с. 27–45). Поэтому целесообразно отказаться от этого термина и включить «критическую социологию» в контекст социальной теории – как один из аспектов систематического рефлексивного теоретизирования, каковым так или иначе грешат все социологи. Аналитическая деятельность, которую принято называть «критической социологией» в узком смысле слова (в частности, традиция Франк-

фуртской школы), на самом деле является «отчетливой конфигурацией рефлексивного дискурса, возможного в самых разных формах». Вместе с тем социальная теория не принадлежит исключительно социологии; это часть дискурса междисциплинарного, пронизывающего все гуманитарные науки. Слово «критика» в данном случае не связано только с негативными либо нормативными его коннотациями, оно «подразумевает весь спектр рефлексивных процедур, являющихся базисом неэмпирических методов, которые лежат в основании исследовательских практик», – подчеркивает Морроу (с. 57).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.